

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

КАЖДОМУ СВОЁ

Миры и войны Сергея Тармашева

Сергей Тармашев

Каждому своё

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тармашев С. С.

Каждому своё / С. С. Тармашев — «АСТ», 2017 — (Миры и войны Сергея Тармашева)

ISBN 978-5-17-081569-2

«29 августа 2111 года. Месторождения нефти и газа опустошены. Единственный глубоководный шельф, где еще осталась нефть, служит причиной постоянных политических споров. Не сохранилось данных, что послужило причиной вооруженного конфликта наиболее влиятельных государств, но точно известно, что цивилизация Древних уничтожила сама себя в огне всепланетной ядерной войны. Начался день Великой Катастрофы, положившей начало отсчету современной системе летоисчисления...»
Инфраструктура цивилизации перестала существовать. Все известные стратегические объекты уничтожены, началось уничтожение неизвестных. Власть имущие заранее построили для себя подземные бункеры, остальные горстки уцелевших скрываются в убежищах, самым надежным из которых всегда считалось московское метро. Но не превратится ли оно в подземную западню? У одного из выживших есть план спасения. И этот план не для всех...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-081569-2

© Тармашев С. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая	26
День первый	26
День второй	38
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Тармашев

Каждому своё

© Тармашев С.С., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

«К 2108 году по летоисчислению Древних, сотрясавший цивилизацию энергетический кризис достиг своего пика. Месторождения нефти и газа, являвшиеся кровью и воздухом экономики той эпохи, были опустошены повсеместно. Единственный глубоководный шельф, где ещё оставалась нефть, находился на дне водного бассейна, именуемого Древними Тихим океаном. Согласно многостороннему межправительственному договору, месторождение разрабатывалось совместно несколькими наиболее влиятельными государствами на политической арене той эпохи. Однако шельф служил причиной постоянных политических споров. Из найденных и изученных файлов Древних следует, что летом 2111 года на месте разработки вспыхнул вооруженный конфликт. Не сохранилось данных о том, что послужило причиной, но точно известно, что 29 августа 2111 года цивилизация Древних уничтожила сама себя в огне всепланетной ядерной войны. День Великой Катастрофы положил начало отсчета современной системе летоисчисления».

Цитата из общеобязательного образовательного курса Корпорации по Древней истории, сохранённого в архивах Департамента Истории Академии Наук Содружества Людей

29 августа 2111 года, суббота, Москва, Плющиха, 17 часов 15 минут

На голографическом экране бытовой телевизионной панели изображение неподдельно встревоженного ведущего вновь сменилось картинкой со спутника, и Антон жадно впился взглядом в транслируемую картину: посреди бесконечной океанской глади множество боевых кораблей под флагами Китая и стран Арабской Коалиции в боевом построении двигались в сторону Шельфа ООН. Искорёженные конструкции нефтедобывающих платформ, разбитые вчерашней ядерной атакой террористов, были практически не видны на двенадцатимильном расстоянии, и видеорежиссёр новостного агентства выделил их контуры тонкими окружностями. Камеры спутника изменили ракурс, приближая район Шельфа, и на экране крупным планом возникла последняя нефтедобывающая платформа, единственная уцелевшая в ходе вчерашнего штурма. Океаническая поверхность вокруг неё кишела кораблями США. Пошла панорамная трансляция, демонстрирующая зрителю боевые порядки американских флотов, и изображение несколько раз задерживалась на группах кораблей стран НАТО, занимающих позиции возле них. Объединённый флот НАТО был готов к бою, и комментатор в студии без устали подчеркивал факт взятия натовцами на прицел приближающиеся флоты китайцев и арабов. Судя по всему, приближающихся это не останавливало, и они были полны решимости положить конец своеволию США.

– Согласно нашим данным, получаемым в реальном времени от мониторинговых служб ООН, – голос комментатора стал ещё напряжённее, – флоты Китая и Арабской Коалиции тридцать секунд назад вошли в двенадцатимильную зону безопасности Шельфа ООН! Срочное сообщение! Командующий флотом НАТО потребовал немедленного прекращения продвижения и возврата флотов на исходные позиции, обещая в случае неповиновения выполнить приказ Конгресса и уничтожить нарушителей! Флоты Китая и Арабской Коалиции не изменили курс! Мы следим за развитием событий!

– Папа! – пятилетняя Амина настойчиво потянула Антона за руку с коммуникатором на запястье, требуя воспользоваться имеющейся в нём функцией переключения каналов. – Я хочу мультики!

– Амина, зайка, посмотри мультики в детской, – ласково попытался отбиться Антон, улыбаясь дочурке и косясь на телеэкран. – Папа смотрит важные новости!

– Меня Давид выгнал! – не получив желаемого, Амина немедленно насупилась, и её лицо приняло плаксивое выражение. – Он смотрит кино! – Дочурка захныкала. – Хочу мультики-и-и!

– Давид! – Антон повысил голос, чтобы вечно зависающий в беспроводных наушниках сын его гарантированно услышал. – Пусти Амину посмотреть мультфильмы! Ты уже большой, будь мужчиной, позаботься о сестрёнке!

– Она достала со своими мультиками! – из соседней комнаты донёсся возмущенный детский голос. – С утра от телика не отходит! Я тоже хочу на широком экране посмотреть, сама пусть через планшет смотрит!

– Давид! – возмущенная реплика жены прервала речь сына. – Как тебе не стыдно! Амина ещё совсем маленькая! Ты должен ей уступить! Тебе уже восемь лет, ты обязан её защищать, а не обижать!

– Ну, мам! – возмущенно воспротивился сын. – Это же новый сезон «Космических рейнджеров»! Мировая онлайн-премьера! Пять минут до начала! Я хочу посмотреть!

– Потом посмотришь! – в голосе жены зазвучало раздражение, и она направилась из гостиной в детскую. – Никуда твои «Рейнджеры» из интернета не денутся! Пусти сестру к экрану немедленно! Амина, зайка! – Дилара выглянула из детской и поманила к себе дочурку. – Иди смотреть мультики!

Амина издала радостный возглас, мгновенно забывая об отце, и довольная побежала к матери.

– Ну, мам! – из зала сына видно не было, но судя по дрожащему голосу, Давид пребывал в крайней степени страданий от чёрной несправедливости. – Это же премьера! Все наши посмотрят, а я – нет! Через час надо будет комменты постить, и все поймут, что я не смотрел! Я чё, хуже всех?!

– Ты лучше всех, милый! – Дилара немедленно сменила гнев на милость и демонстративно повысила голос: – Сходи к папе, пусть он поможет тебе, как мужчина мужчине! В зале отличная видеопанель, очень дорогая, такая не у всех наших родственников есть даже в Москве! Неужели папа позволит любимому сыну опозориться перед друзьями?!

Крыть тут было нечем, и Антон спрятал тяжёлый вздох. Дилара всё равно добьётся своего, она в семье главная, хоть и мусульманка. Вообще поначалу их знакомства, ещё до свадьбы, всё было наоборот, но что греха таить, Антон сам отказался от лидерских позиций. Он вырос без отца в обществе матери и её таких же одиноких подружек, и сколько себя помнил, всё время главной в семье была женщина и женское слово для него являлось законом. В итоге Антон быть лидером не привык, а в общении с прекрасным полом всегда был мягок и уступчив, но именно это в своё время и покорило Дилару. И в отличие от его прежних подружек, бросавших Антона за его излишнюю, с их слов, мягкотелость, её это не смутило. Тем более что защищать женщину от мнимых угроз, что, якобы, является обязанностью настоящего мужчины, в двадцать втором веке приходится разве что в комментариях соцсетей, а с этим Антон справлялся блестяще. К тому же у Дилары полно братьев, те ещё джигиты, кому хочешь физиономию разукрасят, стоит лишь позвонить. Примчатся толпой меньше чем за час, и два раза просить не придётся. И это очень хорошо, потому что полудикая брутальность мачо претила тонкой душевной организации Антона, убежденного сетевого интеллигента и интеллектуала с престижным образованием.

Собственно, благодаря образованию они и познакомились. От деда, согласно семейным архивам некогда являвшегося удачливым бизнесменом, матери Антона досталась далеко не самая посредственная квартира на Плющихе. Однако в силу легкомысленности потомков, это было почти всё, что осталось ей от богатого родственника. Помимо квартиры в центре мать

дала Антону отличное образование, благодаря ей он отучился в Бауманке и получил диплом инженера-механика, а эта профессия сейчас, на фоне нефтяного кризиса, оплачивается очень высоко. Девять лет назад, сразу после выпуска, Антон устроился в крупную московскую коммерческую фирму, занимающуюся поставками профессионального оборудования для систем связи и коммуникаций, принадлежащую дяде Дилары, там и произошла их первая встреча. Дилара была старше Антона на пару лет, уже год работала в головном офисе и отлично разбиралась в семейном бизнесе. Начальство поручило ей ввести новичка в курс дел, но их рабочие отношения быстро переросли в нечто большее, и летом того же года Дилара осчастливила его сообщением о своей беременности. Родственники жены устроили свадьбу с национальным размахом, после чего отправили молодоженов в средиземноморский круиз, за время которого за свой счёт сделали в изрядно подуставшей квартире Антона шикарный ремонт. И даже подарили его матери отдельную квартиру в престижных новостройках Новой Москвы.

К сожалению, матери оказалось нелегко найти общий язык с Диларой, и она пожелала жить отдельно от молодоженов. Дилара отнеслась к её решению с чуткостью, потому что прекрасно всё понимала. Судьба матери-одиночки, вынужденной пробивать себе жизненный путь наперекор трудностям и недоброжелателям, наложила на мать тяжёлый отпечаток. Постоянный и многолетний приём успокоительных привёл к развитию у неё зависимости, и в одно трагическое утро она так и не проснулась. Антон тяжело переживал смерть матери, и без помощи Дилары вряд ли бы смог справиться с охватившей его депрессией. Только благодаря заботливости жены он пережил всё это, и потому вполне справедливо считал, что сам Всевышний передал его из ласковых материнских рук в любящие объятия Дилары. Поэтому оспаривать лидерство жены он никогда не пытался, и не только потому, что не умел. Просто причин не было.

– Папа! – Раздосадованный Давид с неизменными наушниками на голове вышел из детской, на ходу открывая одно ухо. – Мама посадила Амину за мою видеопанель смотреть эти тупые мульты! А через четыре минуты начинается мировая онлайн-премьера седьмого сезона «Космических рейнджеров»! Почему мы не поехали на выходные к деду? Я бы там с братьями сейчас это смотрел! Не хочу с планшета смотреть, это для неудачников, у которых голографии нет! Можно, я посмотрю на твоём экране? А то все наши посмотрят, один я как лох!

– Смотри, – разрешил Антон. – Через три минуты переключим.

Не страдать же ребёнку. Обычно на уик-энд Дилара с детьми уезжала на Рублёвку, где у её отца имелся коттедж, в котором на выходные собиралось всё их многочисленное семейство. Детям у деда нравилось, там у них всегда имелась компания сверстников, а вот Дилара от дальних поездок была не в восторге. Москва переполнена, только в черте города живёт более двадцати миллионов жителей, и переход на электрические автомобили никак не уменьшил интенсивность транспортного потока. Наоборот, с тех пор как мировая промышленность переориентировалась на электромобили, их бюджетные модели заполонили дороги. В пятничные вечера город стоит в ужасных пробках, а пользоваться услугами аэротакси Дилара не любит, её и Амину в вертолёте преследует морская болезнь. Вчера в офисе после рабочего дня отмечали день рождения одного из сотрудников, все задержались, и Дилара воспользовалась этим предлогом, чтобы отменить сегодняшнюю поездку в загородный дом отца. Антон остался доволен, не пришлось париться по пробкам, а вот маленький Давид лишился компании двоюродных братьев. Поэтому ничего страшного не будет в том, чтобы уступить сыну видеопанель, ребёнок не должен чувствовать себя обделённым. Дилара всегда так говорит, а она знает толк в воспитании, у её родителей пятеро детей, из которых трое сыновья.

К тому же, как Антон и прогнозировал, никаких залпов и прочего кровопролития на Шельфе ООН не последовало. Флоты продолжали сближаться, но всё происходило в мирном режиме, лишь в отдельном окне, транслирующем заседание Совбеза ООН, представители Пекина и Тегерана зачитывали свои заявления с требованием передачи Шельфа под контроль

представителей ООН. Ещё один ядерный конфликт никому не нужен, память о ядерной войне, которой завершилось столкновение Индии и Пакистана за газовое месторождение три года назад, непреодолимо сильна. В тот роковой день за три часа погибли девять миллионов человек и само месторождение. С тех пор в мире бряцанье ядерным оружием резко приутихло, хотя самые впечатлительные бросились покупать места в различного рода противоатомных бункерах. Спрос, как известно, рождает предложение, и за предприимчивыми бизнесменами дело не стало. Сейчас кто только не предлагает бункера на любой вкус, от персональных защитных убежищ, закапываемых на приусадебном участке прямо во дворе частного дома, до строительства настоящих подземных апартаментов для целой семьи. К услугам самых богатых или самых глупых имеются даже правительственные программы, причём едва ли не в каждой цивилизованной стране.

Даже у нас в России отгрохали два огромных бункера, «Подземстрой-1» в новгородских землях и «Подземстрой-2» под Новосибирском, детища миллиардера Шрецкого с тридцати-процентным госучастием. Самый богатый человек России может себе позволить действовать с размахом. Правда, судя по многочисленным изображениям и отзывам в сети, «Подземстрой-1» невелик и на громкое звание стратегического бункера государственного масштаба претендовать не может, скорее, он являлся для Шрецкого своеобразной пробой пера. Три уровня на километровой глубине, один из которых технический, компактные, пожалуй, даже слишком, номера для проживания, способные принять порядка двух-трёх тысяч жильцов, кажется. Секрета из «Подземстроя-1» никто не делал, фото в интернете полно, и особых иллюзий на тему тамошнего комфорта питать не приходится. Больше похоже на общежитие казарменного типа с общественными санузлами на этаже. Лично Антон такое бы никогда не купил, будь у него свободная сумма нужного размера.

Зато «Подземстрой-2» – это, ни больше ни меньше, фешенебельный подземный курорт на глубине то ли трёх километров, то ли ещё глубже. Словом, там, куда не достанут специальные противобункерные ядерные заряды, созданные для разрушения подземных убежищ. Роскошные номера VIP-уровня поражали воображение даже искушенных ценителей. Собственный бассейн в личных апартаментах можно встретить не в каждом отеле с мировым именем. Всё по последнему слову техники и дизайна. Экзотические рестораны, казино, два клуба, голографические кинотеатры, биофермы, производящие продукты под собственным товарным знаком, есть даже устрицы своего разведения. Спа-салоны, лечебные центры биорегенеративного омоложения, собственный медико-научный центр с учеными из Новосибирского Академгородка. Через пару лет обещают добавить горнолыжный курорт на горе, под которой вырыли бункер. Грандиозный проект, отгроханный с размахом. Неудивительно. Это же бизнес, он должен приносить прибыль, а какая прибыль от примитивной общаги под землёй? Вот Шрецкий и подошёл к противоатомной проблематике с размахом и креативом. Но цену за тамошние апартаменты Шрецкий заломил заоблачную, и Антон решительно не понимал, кто, будучи в здравом уме, будет платить такие деньги за то, что на самом деле никогда не пригодится. Большинство сетевых комментаторов сходилось на том, что продать жилплощади в «Подземстрое-2» Шрецкому не удастся, и в конце концов он переведет бункер на гостиничную модель. Потусоваться недельку в условиях подземной экзотики за разумную стоимость желающие найдутся.

Однако, судя по сообщениям в сети, желающих купить подземные апартаменты оказалось немало. И непохоже, что это фейк, устроенный рекламщиками Шрецкого. Слишком уж авторитетные люди отписываются в соцсетях о планах приобрести там жильё. Основная масса желающих ждёт открытия, чтобы получить скидки. Официально «Подземстрой-2» должен открыться завтра, обещают даже присутствие Президента, но продажи ведутся с самого начала строительства. Вроде продано уже немало, а после сегодняшних событий поток желающих просто хлынет, это уж точно.

На экране новостное агентство прекратило трансляцию из акватории Шельфа и сосредоточилось на заседании Совбеза ООН, тщательно смакуя обмен взаимными выпадами представителей различных заинтересованных сторон. Попутно комментатор в студии напоминал зрителям хронологию событий. Всё началось с того, что последнее в мире месторождение нефти, расположенное на тихоокеанском шельфе и совместно эксплуатируемое странами – участницами ООН, было захвачено террористами. Месторождение было хоть и единственным, но поистине грандиозным, его запасов, по подсчетам аналитиков, должно было хватить всему миру почти на десять лет, и наличие у террористов ядерных зарядов привело международную общественность в ужас. Террористы угрожали опустить их на дно, зарыть в грунт и уничтожить само месторождение. Пока Совбез ООН решал, как достичь компромисса с террористами, США единолично, не ставя никого в известность, предприняли штурм Шельфа. В ходе которого террористы сумели взорвать один из двух ядерных зарядов и уничтожить восемь из девяти добывающих платформ. Однако благодаря высокопрофессиональным действиям спецслужб США, непосредственно резервуар месторождения не пострадал. Штаты захватили Шельф и объявили о неспособности ООН обезопасить единственное в мире месторождение, от которого зависит экономика всей цивилизации. И заявили, что берут это тяжёлое бремя на себя. С тех пор там сосредоточено несколько штатовских военных флотов, и американцы никого не пускают в двенадцатимильную зону Шельфа под предлогом проведения спецоперации по поиску уцелевших террористов, которые могли выжить в ходе штурма.

Решение США вызвало бурю возмущения во всем мире, Китай даже обвинил американцев в инсценировке террористического захвата с целью узурпации Шельфа. Все наперебой требовали от Штатов вернуть месторождение, но США и ухом не повели. Антон был уверен, что и не поведут, зачем сверхдержаве идти на поводу у неудачников разного масштаба! Тем более что Россия с самого начала не стала дёргаться, недаром наш Президент с первого дня своего президентства взял курс на улучшение отношений со Штатами. Мы совместно строим двенадцатую по счету секцию МКС и вторую очередь посёлка на Луне. Зачем портить отношения с США сейчас, если через десять-пятнадцать лет, когда на Луне завершится строительство суперсовременных шахт по добыче Гелия-3, основными его поставщиками будут именно Штаты и Россия? Правда, строительство на Луне постоянно буксует, там какие-то вечные чуть ли не полумистические трудности, но в любом случае это лишь вопрос времени. И наш Президент вполне объяснимо не полез в конфликт очертя голову. А вот наши давние союзники, Китай и Арабская Коалиция, полезли с удовольствием. У них Лунных шахт нет, за последний век Штаты сделали всё, чтобы отжать их от Луны, и рассчитывать на справедливый раздел лунных ресурсов союзникам не приходится. Вот они и используют в своих интересах любую возможность отхватить у США хотя бы какой-то кусок мирового пирога.

И узурпация Штатами Шельфа ООН стала превосходным предлогом. Впрочем, не только для Пекина с Тегераном. Мир давно разделился надвое: на тех, кто сотрудничает с США и ненавидит их тайно, и на тех, кто не сотрудничает с США и ненавидит их открыто. Вторых стало особенно много после того, как национальные запасы нефти всех стран иссякли. Так что сейчас возмущения Пекина и Тегерана как никогда ранее нашли благодатную почву. Пожалуй, за всю историю ООН их впервые поддерживает большинство стран-участниц. Только США и их союзникам наплевать на всякий мелкий сброд, потому что совокупная мощь НАТО превосходит всех остальных как в военном, так и в экономическом плане. Однако недовольных это не останавливает, и конфликт с самого начала принял крайне резкие формы. В Китае вообще объявили мобилизацию, объявили, что не признают узурпацию Шельфа Штатами, и объявили, что отправляют на облет два своих самолёта согласно нормам Совбеза ООН, установленным ещё до атаки террористов. Американцы немедленно их сбили, оба пилота погибли, и это вызвало бурю протестов. Россия и Тегеран, верные союзническому долгу, выслали по кораблю для про-

ведения спасательной операции, так, по крайней мере, гласили официальные сообщения. Но флоты США нанесли по ним массированный удар и разнесли в щепки за секунды.

После этого протесты мгновенно переросли в бурю ненависти и праведного негодования. Посольства США в странах Арабской Коалиции подверглись нападениям, в Тегеране толпа взяла здание штурмом и жестоко расправилась со всеми, кто там был. В ответ на это США пригрозили всем применением силы и выслали своих военных на охрану всех посольств. Только не все страны их пропустили, а после ситуация и вовсе раскалилась до предела: Китай и Арабская Коалиция послали свои флоты к Шельфу и пообещали открыть огонь на поражение в случае новых актов агрессии со стороны США. Штаты заявили, что лишат все страны, чьи корабли или самолеты нарушат двенадцатимильную зону Шельфа, прав на участие в разработке месторождения. Пекин выступил с предложением лишить США членства в ООН, в ответ на что Штаты официально обратились за помощью к союзникам по НАТО, наверняка неофициально пообещав им выгодно пересмотреть существующие квоты на добычу нефти с Шельфа. Натовцы поспешили выполнить союзнический долг, и в итоге в районе Шельфа всё кишит военными флотами всех стран, хоть сколь-нибудь заметных на мировой политической арене. Эксперты заявили, что чаши весов в зоне конфликта уравнились. А после того как Президент России выступил с заявлением, что Россия будет верна союзническому долгу и в случае агрессии окажет помощь союзникам, но боевые корабли Российского флота не будут пересекать границы двенадцатимильной зоны, то есть фактически отмежевался от Пекина и Тегерана и отказался от силовых действий, все в один голос заявили, что позиция НАТО на Шельфе не имеет равных, даже несмотря на серьёзное численное превосходство сил Китая и Арабской Коалиции.

Выпуск новостей прервался на рекламу, и Давид немедленно поинтересовался:

– Папа, уже можно переключать? Две минуты осталось! На фига тебе эта реклама?

– Переключай, – сдался Антон, с улыбкой глядя, как сын орудует собственным коммуникатором.

Молодёжь сейчас будто рождается подкованной в области управления современными высокотехнологичными девайсами. Схватывают на лету! Восьмилетний Давид в некоторых тонкостях последних программных обновлений для персональных коммуникаторов разбирается лучше него, дипломированного инженера-механика со стажем! Молодец! Весь в отца!

– Шайтан! – Чёрные глаза сына недовольно сверкнули, и Давид непроизвольно почесал смоляную курчавую шевелюру. Официальный портал сериала демонстрировал краткую подборку последних заявлений членов Совбеза ООН. – И здесь эти новости! Две минуты до мировой премьеры, а они всякую фигню показывают!

– Это не фигня, сынок, – наставительно произнёс Антон. – Это нефть. Сейчас важнее ничего нет. Из-за неё вспыхнул серьёзный международный конфликт.

– Да кому она нужна?! – вспыхнул сын. – Автомобили давно на электромоторах ездят! Нам в школе говорили, что скоро самолеты на альтернативное топливо переведут, а сейчас на короткие расстояния дирижабли нормально летают, и самолётов не надо. Вон, Вахтанг с родителями летал в Европу, говорит, прикольно! Чего они за эту нефть кусаются? Бензин уже на фиг никому не нужен!

– Нефть – это не только бензин, – Антон принялся за объяснения. – Нефть – это одежда, медицина, промышленность, товары, это практически всё! Твои кроссовки сделаны из нефти! Бензин и прочее топливо лишь пятьдесят процентов того, что делается из нефти. Остальные пятьдесят процентов – это чуть ли не половина нашей жизни! Пластмассы делают из нефти. Каучуки, резины, гудрон, полиэтилен, моющие средства, лаки, растворители, красители, удобрения, пуговицы, игрушки, пластиковые бутылки – огромное множество всего! Пластиковая бытовая техника, пластиковые элементы автомобилей, пластиковая мебель, посуда, обувные подошвы, синтетические ткани! Нейлон, акрил, лайкра, полиэстер – это всё из нефти. Ещё

из нефтепродуктов делают белок, который употребляется в производстве пищевых продуктов, им заменяют белок животного происхождения. В медицине нефть тоже играет важную роль! Аспирин – лекарство из нефти. Некоторые антисептики, например стрептоцид и сульфадимезин, тоже производятся из нефтяных компонентов. Наша мама вообще никогда не расстанется с нефтью! Потому что нефть – это не только её колготки с лайкрой, холодильник, посудомоечная машина вместе с моющими средствами, но ещё косметический карандаш, тени для век, лак для ногтей, бижутерия и большая часть ароматов, применяющихся в изготовлении парфюмов. И это далеко не полный перечень всего того, что производится из нефти, сынок! Поэтому сейчас так сильно скачут цены на множество товаров в самых разных областях жизни. Многие изделия из нефти просто нечем заменить...

– Э-э-э! – довольный возглас сына прервал его рассказ. – Началось! Наконец-то!

Информационная вставка завершилась, и портал начал трансляцию сериала. На экране замелькали известные всему миру видеовставки с брендами и товарными знаками гигантов видеоиндустрии шоу-бизнеса, и Давид запрыгнул в свободное кресло, нетерпеливо ёрзая на слишком широком для восьмилетнего ребёнка сиденье. Перед самым началом непосредственно фильма, как положено, запустили рекламу, и сын что-то неразборчиво и зло пробурчал не по-русски. Антон напрягся, не иначе сын нахватался от двоюродных братьев каких-то ругательств, надо будет сказать Диларе, пусть проведет с ним беседу. Самому Антону делать этого смысла не имеет, он всё равно не понимает, что бормочет сын. Вдруг в этом нет ничего крамольного? Отругать ребёнка ни за что означает нанести вред хрупкой детской психике. Но меры профилактического характера принять необходимо. Антон встал с кресла и направился в детскую. Дилара сидела на диване перед голографической видеопанелью с довольной Аминой на руках и бросила на входящего мужа суровый взгляд, мол, не мешай ребёнку смотреть мультфильмы, а то опять начнутся капризы. Антон осторожно проскользнул вдоль стены к дивану, сел рядом с женой и негромко сообщил:

– Давид опять бормочет что-то не по-русски, когда раздражён. Что-то грубое! Дорогая, ты не могла бы поговорить с ним? В его возрасте пользоваться ругательствами недопустимо!

– С чего ты взял, что он использует ругань? – недовольным шепотом возразила Дилара. – Ты же не знаешь языка!

– Я предположил, – оправдался Антон. – По выражению его лица. Он был раздражён!

– Это у вас, у русских, принято материться чуть что! – одёрнула его жена. – У нас такого нет!

– Но ты могла бы уточнить, – дипломатично возразил Антон. – На всякий случай. Восьмилетний ребёнок может поддаться эмоциям. Раз уж на это способны твои братья, которым за тридцать...

– Я поговорю с Давидом! – оборвала его Дилара, раздраженно поморщившись. – Всё, иди, не мешай дочке смотреть любимые мультфильмы!

Антон привычно подчинился, но не успел покинуть детскую, как из зала раздался возмущенный голос сына:

– Что за фигня?! Опять эти тупые новости врубili, шайтан их всех задери!

– Давид! Я же запретил тебе пользоваться такими выражениями! – Антон заспешил к сыну, но невольно остановился на пороге, увидев сменившее детский сериал новостное включение.

Экран показывал картину настоящего побоища: корабли, охваченные пламенем и клубами густого дыма, корабли, разорванные на части и стремительно тонущие, корабли, неестественно зарывшиеся в воду. Море вокруг было усеяно спасательными плотами и пытающимися выжить людьми.

– Экстренное сообщение из зоны конфликта! – захлёбывался словами комментатор. – Три минуты назад флот НАТО нанёс удар по передовым кораблям флотов Китая и Арабской

Коалиции! Ещё нет данных о потерях, но и так видно, что они огромны, спасательные суда срочно пытаются оказать помощь выжившим. – Внезапно голос комментатора перешёл почти на крик: – Только что нами получено сообщение: Флоты Китая и Арабской Коалиции нанесли массированный ответный удар...

– Это реклама нового фильма? – Давид заинтересованно разглядывал спутниковую трансляцию разгорающейся в Тихом океане бойни. – Клёво! Я хочу посмотреть! Пап, как называется?

– Я пока не знаю, – Антон попытался переключить канал, чтобы не испугать ребёнка, но на всех основных видеопорталах транслировали картину побоища у Шельфа. – Надо будет поискать в сети...

– Не переключай! – запротестовал Давид. – Круто же! Давай посмотрим!

– Потом посмотришь, когда выйдет! – раздался рядом голос жены. Дилара стояла за спиной у Антона и тыкала пальцем в сенсор персонального коммуникатора. Новости на экране сменились поисковой страницей сетевого браузера: – Сейчас смотри «Рейнджеров»!

Давид немедленно принялся возиться с голосовыми запросами, требуя от поисковика вернуть на экран портал любимой онлайн-трансляции и попутно пытаясь выяснить, когда продолжат показывать сериал. Дилара подошла к мужу вплотную и прошипела на ухо:

– Перестань показывать ему резню! Он ещё слишком маленький! У них и так на уме одни видеоигры со стрелялками! Он должен думать об уроках, а не о драках и побоищах!

– Это прямое включение с Шельфа ООН! – тихо попытался оправдаться Антон. – Его показывают по всем новостям! Они прервали сериал ради этого!

– Мне пофиг! – огрызнулась Дилара. – Я сказала – никакой резни! Мне братьев хватает! Понял?

– Да, дорогая, – не стал препираться Антон. – Я прослежу, чтобы он не лазил по новостям.

– Вот и проследи! – Дилара оглянулась на детскую комнату, из которой донёсся голос Амины, зовущей маму. – Да, зайка моя! Я уже иду! – Жена направилась к дочурке, бросая ему на ходу: – И проверь, как он сделал домашнее задание!

– Домашнее задание на выходные не задают, – тихо хихикнул ей вслед Антон, и отец с сыном понимающе перемигнулись, словно два шпиона. В этот момент на экране вновь появился портал онлайн-трансляции. Изображения из зоны конфликта уже не было, комментатор в студии новостного агентства пообещал держать зрителей в курсе событий, и супермодный детский сериал продолжился.

Антон удовлетворённо выдохнул, ушёл в гостиную, взял с журнального столика электронный планшетник и опустился на диван. Новости вполне можно смотреть и на компактном устройстве. Отсутствие голографических технологий этому не помеха. Особенно сейчас, когда вся семья занята своими делами, и он может спокойно заняться собственным досугом. Однако ничего нового информационные агентства не сообщали. Похоже, военные всех стран – участники конфликта, не сговариваясь, заблокировали доступ к спутникам, наблюдающим за зоной Шельфа. К этому выводу пришла интернет-общественность на международных форумах, бурно обсуждавших произошедшее. Голосовые комментарии ежеминутно поступали тысячами, и Антон с головой ушёл в изучение вспыхнувших дебатов. Ничего особо толкового никто не говорил, в основном обмен взаимными упрёками и оскорблениями. Тролли разжигали панику, пророча очередной конец света, и делали это, как всегда, слишком толсто. Эксперты строили различные предположения, политики обсуждали последствия и делали громкие заявления, официальные лица разных государств призывали сохранять спокойствие и обещали в скором времени заявления от первых лиц. Тем временем ритейлеры немедленно запустили контекстную рекламу персональных убежищ и товаров для выживания. Короче говоря, начался всплеск бизнес-активности, который случался всякий раз, как только какой-нибудь очередной

конфликт в той или иной точке земного шара переживал пик кровавой активности. Ничего нового.

В ожидании правительственных заявлений Антон коротал время за обсуждением происходящих событий, сидя одновременно в трёх самых известных социальных сетях, и с блеском подавлял своей аргументацией менее интеллектуальных оппонентов. Особенно досталось какому-то неудачнику, заявившему, что он-де, бросает всё и бежит собирать вещи, чтобы в случае чего быть готовым заявиться в ближайшее бомбоубежище, так сказать, во всеоружии. Как обычно в таких случаях, у болвана нашлось определенное количество последователей, и поиздеваться Антону было над кем. Чем он не преминул воспользоваться, логично и едко указывая им на тот факт, что участие в онлайн-обсуждениях плохо сочетается с упаковкой вещичек. Завсегдатаи сетевых интеллектуальных баталий хорошо знали его возможности, и остроумные посты Антона начали стремительно набирать лайки. К сожалению, главный остолоп, тот, который собирался ломиться в бомбоубежище, навьюченный скарбом, почти сразу перестал отвечать. Антон даже пошутил, что тот, видимо, уже на пути к ближайшей станции метро. Хотя было прекрасно понятно, что неудачник просто вышел из соцсети, потому что мозгов не хватало участвовать в дискуссии на равных. Вот и не захотел позориться.

Внезапно все три соцсети вывели экстренное сообщение, и на экране возникли изображения комментаторов новостных агентств, на разных языках едва ли не кричащих одно и то же:

– Экстренное сообщение из зоны конфликта! Противоборствующие флоты обменялись ядерными ударами! Связь с акваторией Шельфа ООН и прилегающими к нему районами потеряна. Мы срочно пытаемся получить любую информацию с места трагедии!

– Папа! – Давид вывел громкость с наушников на внешние динамики голографической видеосистемы. – Фильм опять прервали! Тут про ядерные удары рассказывают! Это точно реклама?

Антон рванул в зал и увидел на экране знакомое изображение комментатора российской службы новостей.

– ...российская корабельная группировка, находящаяся в районе Шельфа, не отвечает на вызовы, – вещал комментатор. – По имеющимся у нас данным, они также попали под ядерный удар и были вынуждены ответить. Все коммерческие спутники связи и наблюдения перешли под управление военных, доступ гражданских организаций к ним ограничен. Ожидаем официальное заявление Кремля и разъяснения от Министерства Обороны...»

Это был шок. Антон даже машинально подумал, что его оппонент сейчас вновь зайдёт в сеть и успешно обольёт его грязью с головы до ног, но уже через несколько секунд стало ясно, что теперь не до этого. Трансляцию сериала возобновлять не стали, даже портал, специализирующийся на детских мультфильмах, прервал показ и переключился на сообщения крупнейших мировых информационных агентств. Известные эксперты демонстрировали неподдельную тревогу. В сети массово последовали призывы запастись продуктами, иметь под рукой рюкзак с запасной одеждой и предметами первой необходимости, а также выяснить, где находится ближайшее к дому бомбоубежище. И тут же множество людей сетовали на то, что находятся на дачах. Онлайн-магазины чуть ли не мгновенно оказались перегружены заказами, порталы экстренных служб отвечали с задержкой, что свидетельствовало об огромном количестве обрабатываемых запросов.

– Отец сказал собирать детей и ехать к нему! – в дверях гостиной появилась сильно взволнованная Дилара. Она с тревогой смотрела на мужа. – Мультфильм прервали и объявили о введении осадного положения! В доме отца надёжный цокольный этаж, там будет безопасно, пока семья договаривается с МЧС на тему серьёзного бомбоубежища. Поехали быстрее, пока пробок нет!

– Сейчас толпа рванёт в торговые центры, закупаться! – Антон вскочил с дивана. – У многих паника, в сети призывают готовить неприкосновенные запасы. Основные торговые цен-

тры находятся на МКАДе и дальше, мы можем встать так, что не доберёмся и до утра! Может, аэротакси? Обычно до них проще доехать!

– По дороге решим! – заявила Дилара. – Если пробки образуются, то поедem к аэротакси. Не стой как баран, одевайся и поехали! А то точно застрянем! И включи пробки на планшетнике!

– Что брать с собой? – Антон торопливо вызвал на экран планшетного компьютера сервис дорожных пробок. – Кроме документов? Черт, дороги уже жёлтые! Многие побежали по магазинам ещё до объявления военного положения! Детскую одежду собирать? У твоего отца тряпок Давида и Амины полно! Мы свою одежду брать будем?

– Доставай чемоданы и собери документы, чтобы тут ничего важного не оставлять! Вещи я сама возьму! – жена выбежала из комнаты и принялась собирать детей.

Объявление о правительственном сообщении застало Антона у входных дверей с чемоданами в руках. Он собирался нести вещи в припаркованный во дворе дома семейный электромобиль, когда центральный новостной канал вывел на экран изображение государственного флага, сменившееся физиономией Премьер-министра. Антон вбежал в зал, катя за собой чемоданы, и остановился на пороге, не сводя глаз с голографической панели. Премьер с каменным выражением лица лаконично сообщил об объявлении в стране военного положения, призвал к соблюдению спокойствия и недопущению паники, назвав это вынужденной временной мерой, и правительственное сообщение закончилось.

– И это всё?! – Антон опешил, выпуская из рук чемоданы. – Соблюдать спокойствие?! А делать-то что?! И где Президент? Почему нам показали Премьера?!

– Какая разница?! – из детской выскочила Дилара с Аминой на руках. Следом за ней с детским чемоданом спешил насупившийся Давид, которому во время сборов попало от матери за попытку взять с собой игровую приставку. – Поехали! Пробки уже красные!

– Подожди! – решился воспротивиться Антон. Он выхватил из чемоданного кармана планшетник. – Ты что, не понимаешь? Если вместо Президента нам показали Премьера, то это может означать, что Президента прямо сейчас срочно эвакуируют из Кремля! Почему не было дано никаких объяснений? Может, в нас уже летят ракеты! А мы собираемся завязнуть в бесконечной пробке!

– Я позвоню отцу! – Дилара испуганно схватилась за персональный коммуникатор, велела детям стоять возле папы и убежала в другую комнату.

Тем временем Антон торопливо просматривал интернет. Соцсети паниковали, мысль о причинах, помешавших Президенту выйти в эфир, посетила не только его. Все наперебой советовали бежать в бомбоубежища, вот только мало кто знал, где они расположены, а множество людей и вовсе находилось на дачах и за городом по случаю выходных. Первое, что приходило на ум жителям крупных городов, было метро. И это правильно! Антон подумал, что относительно недалеко от дома есть сразу две станции метрополитена, обе носят название «Смоленская», одна на Синей ветке, другая на Голубой. Подземного перехода между ними нет, но это неважно, главное, что близко.

– Отец сказал идти в бомбоубежище или метро и ждать там его звонка, – насмерть перепуганная Дилара вернулась из гостиной. – Он скажет, когда можно будет ехать к нему. Он пытался вызвать для нас аэротакси, но они не принимают заказы...

Очередное экстренное включение новостей центрального канала оборвало её на полуслове. На экране возникло изображение министра МЧС. Генерал объявил о начале эвакуации и назвал это временной мерой и необходимой предосторожностью. Он тоже призвал граждан соблюдать спокойствие и не поддаваться панике. После чего велел всем явиться к ближайшему объекту Гражданской Обороны и при себе иметь смену одежды, комплект постельного белья и сухой паёк на каждого. Список объектов ГО с указанием их мест на карте министр обещал предоставить сразу после своего обращения. Органы местного самоуправления на местах уже

получили от МЧС эти данные и в настоящую минуту готовятся оповестить население применительно к каждому населённому пункту страны.

Министр исчез с экранов, и Дилара бросилась собирать еду и постельное бельё. Антон заново распаковал чемоданы и заталкивал в них обнаружившиеся в холодильнике бутылки с водой, шипучей газировкой и детскими сладкими напитками, попутно пытаясь добиться от планшетника ответа на запрос по фразе «ближайшее бомбоубежище». Поисковик пересылал все запросы на сайт ближайшей, согласно данным геолокации, районной управы, и на экране вторую минуту висел значок загрузки с надписью «ждите». Антон даже решил вручную зайти на портал МЧС, но в этот момент загрузка сменилась вполне понятной картой района с указанием объектов Гражданской Обороны и краткими рекомендациями. Как он и ожидал, населению их квартала предлагалось спуститься в метро, на станцию «Смоленская». Рядом были ещё какие-то бомбоубежища, но из их описания было ясно, что построены они чуть ли не полторы сотни лет назад, имеют маленькую вместимость и совершенно смешную глубину заложения, являясь, по сути, хорошо укрепленными подвалами. Конечно, их реконструировали и поддерживали в должном состоянии, но в метро явно надёжнее. К тому же, если движение поездов не остановят, можно будет добраться до ближайшей к загородному дому тестя станции, откуда их заберут на машине родственники Дилары, как только появится возможность. Все эти соображения Антон изложил предельно перепуганной жене, Дилара с ним согласилась, и даже стала ошутимо меньше паниковать.

На улицу пришлось спускаться пешком, лифт оказался постоянно занят. Пока шли по лестнице, Антон увидел соседей по подъезду больше, чем видел за год. Улицы были заполнены людьми, спешащими в сторону метро. Кто-то был навьючен сумками, как Антон с Диларой, кто-то шёл налегке, но с каждой минутой людской поток увеличивался. На Смоленской площади, которую необходимо пересечь, чтобы попасть к станции «Смоленская», творился какой-то кошмар. Проезжая часть была забита машинами, яростно сигнализирующими огромной толпе пешеходов, бесконечной рекой текущих через дорогу в сторону метро. Некоторые водители заезжали прямо на тротуары и пешеходную часть, бросали машины и торопливо вливались в толпу. Другие всё ещё пытались проехать, но людской поток не прекращался, и нервы выдерживали не у всех. Кто-то дал по газам и протаранил толпу, но вылетел на Садовое кольцо и врезался в автомобиль, стоящий там в ещё большей пробке. Разъяренная толпа выволокла водителя из салона и с бешеной яростью топтала ногами, те же, кто был умнее, воспользовались этим и спешили обогнать линчевателей на пути к метро. Самые сердобольные пытались оказать помощь пострадавшим от наезда, кто-то звонил в «скорую» и полицию, и одновременно жаловался на то, что ему отвечает автоответчик.

– Диля, держи детей крепче! – Антон вытянул шею, осматриваясь в быстро увеличивающейся толпе, и заметил полицейских, спешащих к месту самосуда от высотки МИД. – Надо успеть уйти отсюда прежде, чем полиция начнет собирать свидетелей и записывать показания! Пойдем быстро, прямо между машин, всё равно они ещё долго с места не сдвинутся! До метро недалеко! Быстрее!

Он прибавил шаг, лавируя между машинами так, чтобы не задеть дорогие авто чемоданами. Драки с психующими автомобилистами ни к чему, особенно сейчас! Дилара, держа за руки Амину и Давида, спешила следом. Многие стоящие в пробке автомобили были уже пусты, заперты и поставлены на сигнализацию, спешащая мимо них толпа часто задевала авто, вызывая срабатывание сигнализаций, что только усиливало царящий над Смоленской площадью гвалт. До остальных водителей факт того, что пробка вряд ли двинется с места, ещё не дошёл, и Антон подумал, что, когда это произойдет, спешащий в метро людской поток станет ещё плотнее. Как бы у самого метро не попасть с детьми в давку.

Но его опасения, к счастью, не подтвердились. За Смоленской площадью стекающиеся к станциям метрополитена разрозненные людские потоки встречало полицейское оцепление.

Полицейских было довольно много, и Антон запоздало вспомнил, что не видел ни одного из них, пока шёл с семьёй по Плющихе, а ведь там находится отделение полиции, они проходили мимо здания. Теперь понятно, почему он не увидел там полицейских, всех сотрудников в срочном порядке вывели к метро. Наверняка ещё до официального объявления об эвакуации. Спецслужбам об этом сообщили заранее! Ну, хоть о чём-то позаботились, и то хорошо! Антон увидел, как полицейские упорядочивают прибывающую толпу в некую более-менее цивилизованную очередь, и ему стало спокойнее. Здесь, на глазах у полиции, никто не орал и не толкался, народ соблюдал приличия, кто-то даже пропускал вперёд себя одиноких женщин с детьми. Упорядоченная очередь двигалась быстро, пожалуй, даже быстрее, чем стихийные людские потоки пересекали Смоленку, и Антон уже видел знаменитый «Дом с башенкой», памятник архитектуры ещё советской эпохи, в котором вот уже лет сто пятьдесят располагался вход на станцию метрополитена «Смоленская» по Голубой ветке. Полиция направляла туда всех, идущих по внешней стороне Садового кольца.

– Уважаемые граждане! – хаотичный гвалт, гремевший над Смоленской площадью, остался позади, и стало слышно обращение какого-то полицейского чина, усиленное электронным мегафоном. – Соблюдайте спокойствие! Не нарушайте порядок передвижения и очередность! Не задерживайтесь! На станции метро выполняйте указания сотрудников метрополитена!

– Что там? – низкорослая Дилара проследила за его взглядом, но из-за плотного людского потока не смогла рассмотреть вход в метро. – Проблемы?

– Нет, там всё окей, – успокоил её Антон. – Очередь движется быстро, на мой взгляд, ничем не медленнее, чем по утрам в часы пик. Просто я не вижу выходящих из метро людей. Наверное, все эскалаторы работают только на вход.

– Ты ещё помнишь, как бывает в метро по утрам в час пик? – усмехнулась Дилара. Судя по интонациям, охвативший её испуг стал уменьшаться.

– Ну, я же вижу утреннюю толпу, когда еду на работу мимо метро, – объяснил Антон. – Мне кажется, что обычно она такая же. Просто сейчас многие идут с вещами, из-за этого толпа кажется больше, чем на самом деле.

Через пару минут до входа в метро оставалось метров десять-пятнадцать, и стало видно, как полиция решила проблему встречных людских потоков. Станция действительно работала только на вход, и людей, стекающихся к ней по ходу часовой стрелки, запускали в двери, которые обычно служили выходом. Встречную толпу, текущую против часовой стрелки, направляли в двери стандартного входа. Оба людских потока не пересекались, что обеспечивало непрерывное движение очереди. С места, на котором находился Антон, было хорошо видно, что по другую сторону Садового кольца полицейское оцепление действовало точно так же, и упорядоченные встречные людские потоки текли к арке, ведущей к входу на станцию метро «Смоленская» Синей ветки.

– Гражданин, вернитесь в очередь и заходите в метро! – сквозь звучание полицейских оповещений послышалось строгое требование стража порядка.

– Мне нужно на ту сторону! – ответил ему грубый голос, показавшийся Антону знакомым.

Они с Диларой одновременно обернулись на звук и увидели спорящего с полицейским человека в армейском камуфляже без знаков различия, с таким же камуфлированным громадным рюкзаком за спиной. Здоровенный жлоб нависал над совсем не хилым сотрудником полиции, уступавшем ему в росте почти на голову, и указывал рукой через Садовое кольцо, в сторону входа на станцию Синей ветки метрополитена.

– Сожалею, но это невозможно, – крепкий полицейский-кавказец с фигурой борца преградил дорогу мощному амбалу, не позволяя ему пройти сквозь оцепление на проезжую часть Садового кольца, забитую стоящими автомобилями. – Тот вход в метро отведён для граждан,

проживающих внутри Садового кольца. Это сделано для вашего же комфорта, в целях исключения давки. Прошу вас вернуться в очередь!

Несколько полицейских, стоящих в оцеплении рядом, немедленно подтянулись к месту возникшей проблемы в качестве подкрепления, и один из них шагнул амбалу за спину.

– Это же Порфирьев! – Дилара смотрела на амбала и внимательно прислушивалась к разговору.

– Этот болван и здесь умудрился устроить конфликт, – недовольно скривился Антон.

Да, это действительно был Порфирьев, узнать которого было несложно даже в камуфляже уже только по росту и глупому нелепому армейскому ёжику коротких светло-соломенных, почти белых волос. Порфирьев работал охранником в офисе их фирмы и отличался на редкость нелюдимым нравом. Всё время молчал и таращился на всех взглядом исполненного подозрения параноика, причём как на посетителей, так и на сотрудников офиса. Вечно мрачная и злобная физиономия вкупе с ростом в метр девяносто пять и весом за сотню килограммов делали его похожим на маньяка, вынашивающего планы какого-нибудь жестокого убийства. Судя по записям в отделе кадров, Порфирьев отслужил в армейском спецназе лет десять или около того, неоднократно принимал участие в каких-то военных конфликтах, которых сейчас по миру столько, что за всеми не уследишь, вроде даже был пару раз ранен. Подробной информации не имелось, военная тайна и всё такое прочее, но кадровики уверенно заявляли, что выперли его из армии за экстремизм. Он был уличён в распространении среди сослуживцев каких-то запрещённых материалов, вроде бы неоязыческого характера, точно неизвестно. В общем, ничего ужасного он совершить не успел, поэтому, учитывая заслуги перед Россией, его не посадили, а просто уволили в запас и предупредили, что в следующий раз он точно сядет. Год назад кто-то из бывшего начальства устроил его в офис, предварительно договорившись с дядей Дилары. Ходили слухи, что гендиректор специально взял его в охрану, чтобы под рукой имелся здоровенный жлоб некавказской национальности, который будет в случае чего выпроваживать взашей слишком навязчивых земляков генерального. Вообще Порфирьев вёл себя тихо и мирно, но всегда зыркал на всех с ненавистью, и потому конфликту с полицейскими Антон не удивился. Со скрытыми психами рано или поздно что-то подобное обязательно произойдет, особенно в такой обстановке.

– Мне нужно на ту сторону! – Порфирьев всегда говорил грубо, такой у него голос. Вроде, голосовые связки повредило в результате ранения, и полностью восстановить их врачам не удалось. Но полицейским об этом известно не было, и Антон по их взглядам понял, что стражи порядка оценили здоровенного амбала как угрозу и сейчас примут меры.

– У меня там жена и трое детей! – продолжал амбал, буравя полицейских пронзительным взглядом серых, почти бесцветных глаз, что совсем не добавляло ему дружелюбности. – Они ходили в гости к бабушке! Я должен встретиться с ними у метро на той стороне, мы договорились, они будут ждать! У них даже нет никаких вещей, всё у меня! Могу распаковать рюкзак, там детская одежда, сами посмотрите!

Он начал было расстегивать лямки, собираясь снять свой рюкзачище, но полицейские были непреклонны и пропускать его не собирались.

– Прекратите, вы мешаете эвакуации! – потребовал один из полицейских. – Позвоните жене, если она подтвердит ваши слова, мы вас пропустим!

Порфирьев принялся засучивать рукав, высвобождая из-под него портативный коммуникатор, и Антон закатил глаза. Сейчас этому дебилу достанется от полиции. Нет у него никаких детей, и жены тоже нет, равно как и бабушки, он вообще не местный. Никуда он не пойдёт. Родителей у него не стало вроде бы ещё в школьном возрасте, и он холост. Если верить офисным сплетням, у него даже девушки нет, что неудивительно. Кто захочет вступать в отношения с болваном, который почти всю зарплату отдаёт на аренду квартиры в не самом дешёвом

районе Москвы. Причём только потому, что она находится относительно недалеко от офиса, а ему, видите ли, комфортнее идти полчаса пешком, чем те же полчаса провести в метро.

– Диля! Мы задерживаем очередь, – негромко произнёс Антон жене, внимательно следящей за разговором Порфирьева с полицейскими, из-за чего темп их ходьбы сильно снизился.

Дилара держала за руки детей, а Давид катил за собой небольшой детский чемоданчик, и их замедлившаяся семья уже вызвала недовольные комментарии спешащих позади людей. К удивлению Антона, Дилара неожиданно бросила ему:

– Пошли к нему! – И решительно направилась в сторону Порфирьева, выбираясь из толпы. Антон торопливо последовал за ней.

– Господин офицер! – Дилара с детьми зашпешила к полицейским и кивнула Порфирьеву: – Привет, Олег! – И сразу же обратилась к стражу порядка: – Господин полицейский! Я могу подтвердить его слова! Это наш сосед! Его жена моя близкая подруга, мы пять минут назад разговаривали с ней по телефону! Она не сможет ответить на вызов, у неё аккумулятор разрядился! Мы договорились встретиться у метро на той стороне Садового! Мы с мужем взяли для них детское питание! Пожалуйста, пропустите нас! Я могу показать документы!

Увидев перед собой интеллигентную женщину с детьми и мужем, полицейские не стали спорить и разрешили всем пройти. Порфирьев прорычал «спасибо», молча забрал у Антона один из чемоданов и направился через Садовое кольцо, лавируя между намертво застывшими в пробке машинами. Дилара поспешила за ним, не отпуская руки детей, и Антон семенил следом, вновь пытаясь не задеть авто во избежание конфликта. Всё больше водителей выходили из машин, с тревогой и растерянностью оглядывая спешащие к станциям метро людские потоки. Вскоре тут, как на Смоленской площади, все начнут ставить авто на сигнализацию и уходить к метро. И очередь станет больше.

– Диля! – Антон ухитрился догнать жену и вполголоса зашептал: – Зачем ты это сделала?! Мы бы уже были в метро! Теперь придется проходить очередь заново!

– Почему он не захотел спускаться на Голубую ветку, а пошёл на Синюю? – ещё тише ответила жена, не оборачиваясь. – Он служил в ГРУ! Он что-то знает! Что-то, что не будут объявлять в новостях! И он прекрасно знает, кто я! В случае какого-нибудь конфликта он нам поможет, никуда не денется! Братьев рядом нет, а что там может случиться, в метро, набитом всякими бичами, один Аллах знает! Поговори с ним, узнай, зачем он делает это! Нас он не любит, а ты русский, тебе расскажет! И смотри, чтобы мы не потеряли его в толпе!

Но поговорить с Порфирьевым Антон смог только внутри метро. Очередь на станцию «Смоленская» Синей ветки оказалась вдвое длинней, и полицейское оцепление настойчиво требовало от людей соблюдать порядок, не создавать давку и при этом двигаться быстро. Пару неадекватов, ломившихся вперёд и расталкивавших людей, немедленно обездвигили электрошоковым оружием и выволокли из очереди, уложив прямо на грязный асфальт. Это возымело действие, и больше порядок никто не нарушал. Наконец, очередь дошла до входа на станцию, и семья Антона оказалась на ступенях эскалатора. Порфирьев стоял ступенью ниже, вкуче со своим рюкзаком и их чемоданом занимая её всю одну, и Антон решил, что момент для расспросов подходящий. Спуск будет долгим, эскалатор на этой станции очень длинный, люди стояли на ступенях плотно, что исключало возможность спускаться пешком по движущимся ступеням, так что уклониться от разговора Порфирьев не сможет.

– Привет, – на всякий случай Антон поздоровался. – Как дела? – При этой фразе взгляд Порфирьева, направленный на него, стал очень похож на взгляд охранника психушки, разглядывающего пациента-имбецила, и Антон поспешил продолжить: – Олег, зачем ты сделал это?

– Что «это»? – голос Порфирьева звучал, как всегда, грубо, но Антон уловил скрытую издёвку. Кажется, женщины в офисе что-то говорили на тему этого его заскока. Порфирьев вроде презирает американизмы и тех, кто их использует. Антон внутренне вздохнул. В таком

случае придётся презирать весь мир! А это точно проблема когнитивного характера! Окей, он, как истинный интеллектуал и интеллигент, уступит недалёкому бруталу.

– Зачем ты выбрал эту станцию? – терпеливо уточнил Антон. – Ты чуть не попал в полицию!

– Ничего бы они мне не сделали, – Порфириев коротко скривился. – В крайнем случае, я отказался бы эвакуироваться и заявил бы, что возвращаюсь домой. Потом перешёл бы Садовое в месте попроще. Надо было сразу так поступить, но мне было не по пути, не хотелось время терять.

– Мы уверены, что ты знаешь, что делаешь, поэтому и помогли тебе, – авторитетно заявил Антон и настоял на своём: – Так почему именно сюда? Насколько я знаю, на той «Смоленской» есть вход в правительственное метро, оно наверняка надёжнее гражданского!

– Так тебя туда и пустят, – усмехнулся Порфириев. – В том доме правительственные шишки давно не живут, и переход там столь же давно заблокирован. Те, кто входит в списки избранных, попадут в метро для таковых через здание МИДа. В смысле, те из них, кто находится в этом районе. Через гражданское метро ты туда не попадёшь.

– То есть эта станция глубже и потому надёжнее? – сделал вывод Антон. – Правильно?

– Можно сказать и так, – Порфириев скептически поморщился. – Современные ядерные заряды, предназначенные для уничтожения объектов глубокого заложения, способны разрушать бункеры, расположенные на глубине вплоть до километра. Есть и более продвинутые разработки, но это не массовое оружие, таким по метро бить никто не станет. Я надеюсь, что и километровыми по метро бить не будут, приберегут их для стратегических объектов, иначе у нас шансов никаких, тут всего пятьдесят метров глубины. Зато этих самых стратегических объектов, вроде секретных бункеров и спецметро к ним, прямо здесь нет, а сама станция достаточно глубока, чтобы не пострадать от воздушных ядерных взрывов. Вероятность выжить больше.

– Ты уверен, что ядерной войны не избежать? – Антон невольно оглянулся на жену и детей.

– Откуда мне знать, – совершенно спокойно ответил амбал. – Но подстраховаться лишним не будет. Лучше просидеть несколько часов в забитой людьми подземке, чем оказаться на поверхности в момент, когда над головой красочно расцветает сотня ядерных взрывов.

– Сотня? – переспросил Антон. – Это гипербола? В смысле, ты преувеличиваешь?

– Это литота, – грубо поддел его Порфириев. – В смысле, я преуменьшаю.

– То есть?.. – Антон предпочёл пропустить мимо ушей очередную издёвку.

– То есть Москва – столица России, если ты помнишь, – продолжал грубить Порфириев. – Один из самых важных стратегических объектов. И одна из приоритетных целей с точки зрения противника. Здесь полно секретных бункеров, подземных объектов правительственных, военных и прочих силовых структур. По Москве ударят не просто прицельно, в планах ядерной атаки, выпестованных злыми врагами, город разбит на сектора, которые будут атакованы массированно и в несколько волн. Чтобы гарантированно поразить все намеченные цели с учетом противодействия ПВО, которое прикрывает Москву. На это самое ПВО все наши надежды в случае ядерной войны. До которой, как я надеюсь, дело всё-таки не дойдёт. Те, кто правит миром, не захотят остаться без него.

– Уважаемые пассажиры! – зазвучавший в динамиках голос диктора заставил Порфириева замолчать. – Спустившись по эскалатору следуйте указаниям сотрудников метрополитена! Сохраняйте спокойствие! Во избежание краж не оставляйте без внимания свои вещи! Спасибо за ваше понимание!

Спускающаяся на эскалаторах толпа зашумела, и Антон подумал, что это реакция людей на сообщение о возможных кражах. Он окинул взглядом чемоданы, убеждаясь, что всё на месте, и ободряюще улыбнулся детям. Маленькая Амина улыбнулась в ответ, набычившийся

Давид улыбки не увидел, сын с недовольным выражением лица теребил сенсоры персонального коммуникатора.

– Давид? – Антон негромко окликнул сына. – Ты в порядке?

– Интернета нет! – возмутился ребёнок, отрывая от коммуникатора полный негодования взгляд.

– Потом включат! – успокоила его Дилара, прислушиваясь к непрекращающемуся шуму.

Антон последовал её примеру. Народ обсуждал внезапное отключение интернета. Многие приняли это за плохой знак. Кто-то даже утверждал, что буквально минуту назад разговаривал с приятелем, живущем в Европе, и у них там тоже идёт эвакуация. А ещё он утверждал, что США якобы нанесли ядерные удары по Пекину и Тегерану. Слухи об этом мгновенно разнеслись по эскалаторам, сразу же нашлись скептики, и вспыхнули споры, периодически заглушаемые объявлениями диктора метрополитена. Диктор призывал сохранять организованность и сообщал о временном сбое в интернет-вещании из-за перегрузки оборудования станции, вызванной сверхнормативным количеством пользователей.

– Как думаешь, это правда? – поинтересовался Антон у Порфирьева, но тот лишь неопределенно пожал плечами.

Эскалатор достиг нижней точки, и Антон подхватил чемодан. Прибывающих людей встречали несколько полицейских и оперативники в штатском, за спинами которых сотрудники метрополитена в униформе призывали пассажиров не задерживаться и проходить дальше, следуя за своей очередью. Семьи с маленькими детьми заводили в вагоны стоящих по обеим сторонам платформы поездов и рассаживали на сидячие места. Тех, чьи дети были достаточно взрослыми, а также бездетных и одиночек призывали спускаться на рельсы и идти в глубь тоннелей, где их ожидали другие составы. Контактный рельс был обесточен, двери вагонов заранее открыты, на стенах наскоро наклеены нарисованные маркером от руки указатели. В целом всё было достаточно понятно, и Антон, взяв за руку Давида, следом за Диларой направился к центру стоящего у ближайшей стороны платформы состава.

– Пойдём дальше, в тоннель, – неожиданно заявил Порфирьев, выходя из очереди.

– Зачем? – опешил Антон. – У нас маленькие дети, нам сюда! Там специально держат места для таких, как мы! Ты же слышал объявление!

– Как хотите, – безразлично ответил амбал, протягивая ему чемодан и явно собираясь уходить.

– Мы пойдем с тобой! – немедленно среагировала Дилара, тоже покидая очередь. – Куда идти?

– В следующий состав, – Порфирьев направился к очереди, тянувшейся в сторону тоннеля.

– Но почему? – Антон поспешил не отстать от амбала, стараясь не испытывать раздражения от его поведения. Дилара права, он может оказаться полезным. В конце концов, лопата для того, чтобы копать, если это необходимо, а любить или ненавидеть её при этом необязательно.

– Ты когда-нибудь видел охваченную паникой толпу? – не оборачиваясь, ответил Порфирьев.

– Только в новостях, – Антон пристроился к жене, вливающейся в очередь вслед за нагло вламывающимся туда Порфирьевым. Спорить со здоровенным амбалом и женщиной с двумя малолетними детьми никто не стал, и обошлось без скандалов, если не считать злых косых взглядов.

– Мы попали сюда в самом начале эвакуации, – вопреки ожиданиям Антона, Порфирьев всё-таки снизошёл до объяснений без дополнительных понуканий. – Сейчас всё происходит тихо, мирно и спокойно. Потому что все надеются на то, что войны не будет, и эта эвакуация не более чем неприятное злоключение. Я тоже на это надеюсь.

– Хочешь сказать, что, если начнется паника, тут будет опасно? – уточнил Антон.

– Обезумевшая толпа отличается от стада охваченных паникой животных тем, что она хуже, – без тени иронии ответил амбал. – Если наверху случится что-нибудь такое, из-за чего порядок мгновенно рухнет, желающие выжить рванут сюда любой ценой. Эскалаторы выходят прямо на платформу, которая всех не вместит. Начнётся давка, и первое, куда хлынет толпа, это открытые вагоны. Оттуда можно и не выбраться.

– Тогда, может, пойдем на станцию «Плющиха»? – предложил Антон. – Она транзитная, выхода на поверхность не имеет, он сейчас закрыт на ремонт, и места там больше.

– Толпа набьётся туда очень быстро, – возразил Порфирьев. – Напирающие со стороны входа просто выдавят туда тех, кто попал сюда раньше. Лучше в тоннель, так надёжнее. Из-за стоящих на платформе составов вход туда узкий и тёмный, плюс стереотип в сознании обывателя, запрещающий лазать по тоннелям и контактным рельсам. В случае паники сюда ломнётся народа намного меньше, чем в хорошо освещенный и лежащий на виду переход на транзитную станцию. Раз в глубине тоннеля стоят ещё составы, то лучше добраться до следующего.

– Мама! – Амина испуганно смотрела на приближающийся полумрак тоннеля. – Не хочу туда! Там прячутся монстры! Они всех съедят!

– Нет там никаких монстров, зайка! – Дилара отпустила Давида и подхватила Амину на руки. – Держи сына! – велела она Антону и принялась успокаивать дочурку.

– Может, в таком случае разумнее пройти как можно дальше? – предложил Антон, сжимая ладонь Давида. – В самый последний состав? Если их несколько!

– Слишком далеко лучше не уходить, – уклончиво буркнул Порфирьев и следом за впереди идущей семейной парой спустился на дно тоннеля.

– Мы пойдем по рельсам! – оказавшийся на рельсах Давид с довольным видом пнул ногой контактный рельс. – Круто! Как в игре про ядерную войну! – Он со знанием дела осмотрел полутёмный тоннель, слабо освещенный тусклыми плафонами: – Тут должны быть всякие двери, по бокам! – Он посмотрел на сестру и скорчил жуткую рожу: – И гигантские крысы-вампиры!

– Мама! – захныкала Амина, прижимаясь к Диларе. – Давид сказал, что тут монстры!

– Давид, перестань сейчас же! – рассерженно одёрнула сына Дилара. – Зачем ты её пугаешь? Хочешь, чтобы она редела на всё метро? Сам будешь её успокаивать!

Сын недовольно скривился, но пререкаться не стал, и Дилара принялась успокаивать дочурку.

– Смотри под ноги, Давид! – строго заявил Антон, бросая на сына укоризненный взгляд. – Не споткнись о шпалы, здесь темно. Давай сюда свой чемодан!

Видимость в тоннеле действительно была слабой, если бы не свет прожекторов стоящих на путях составов, без фонарей двигаться по шпалам было бы небезопасно. Антон скептически поморщился, глядя, как идущие по железнодорожным путям люди то и дело спотыкаются и мучаются от неудобства тащить за собой багаж. Метрополитен мог бы и позаботиться о дополнительном освещении заранее. Они же должны иметь программы для действий в нештатных ситуациях! Или опять всё разворовали и забросили, и всё это есть, но не работает? Как обычно, до первого скандала! А потом бросятся устранять недостатки и наказывать стрелочников!

Второй состав обнаружился в десятке метров от первого, возле него дежурили несколько представителей метрополитена и пара полицейских. Они встречали идущих по шпалам людей и направляли в узкий проход между вагонами и стеной тоннеля, призывая людей не торопиться заходить в ближайшие вагоны, а следовать дальше. Порфирьев молча шагнул в глубь тоннеля, занимая своей тушей весь проход, и взгляд Антона упирался в его рюкзакище. Понять, что имеется там, дальше, в глубине тоннеля, не получалось. Миновав три вагона, амбал неожиданно начал взбираться по приставленным к распахнутым дверям аварийным мосткам внутрь четвертого. Антон вновь недовольно скривился. Мог бы и предупредить! Он помог Диларе с Аминой на руках забраться в вагон, дождался, когда заберется сын, и с трудом влез следом,

едва втащив за собой нелёгкий чемодан. Порфирьев добрался до закутка между последней дверью вагона и его окончанием, снял рюкзакище и бесцеремонно взгромоздил его на пол, практически перегораживая проход. Дилара, с дочуркой на руках протиснулась в оставшееся пространство и сразу же уселась на ещё не занятое сиденье, оставляя место между собой и торцевой стеной вагона.

– Давид! Садись сюда! – она ткнула сыну пальцем на оставленное место.

Антон помог сыну протиснуться с детским чемоданчиком мимо рюкзакища амбала и уселся рядом с женой. Убедившись, что Порфирьев возится в кармане своего багажа и не слышит, он тихо прошептал на ухо жене:

– Обнаглевший жлоб! Он бы ещё поперек прохода своё барахло бросил и заставил ребёнка через него перелезть! Надменный неадекват, как твой дядя его терпит? Наверняка с начальством он более любезен!

– На работе он всё время молчит, – прошептала в ответ Дилара. – Перестань тупить! Он сделал очень удобно! Перегородил проход, теперь лезть в этот тупичок никто не захочет. Поставь наши чемоданы на оставшееся место, чтобы вообще прохода не было! Это будет наш угол! А, если что, то все претензии к нему, он сидит ближе всех!

Пока Антон выполнял приказ жены, Дилара попыталась позвонить отцу, но не смогла.

– Сети нет, – она хмуро терзала сенсоры персонального коммуникатора. – Я думала, что в метро есть связь, особенно в двадцать втором веке!

– Она и есть, – хмыкнул Антон, поднося к глазам запястье с коммуникатором. – Странно. Нет сети. Наверное, сотовую станцию отключили. Может, тоже перегрузка, как с интернетом? Столько народу в метро спустилось, и все звонят куда-нибудь, как на Новый год.

– Пап! Дай планшетник поиграть! – Давид оставил в покое собственный коммуникатор. – С кома без инета гамать стрёмно!

– Сколько раз говорить, чтобы ты не использовал такие слова?! – возмутился Антон, извлекая электронный планшет из кармана чемодана. – Учись излагать свои мысли цивилизованно!

Сын немедленно поклялся больше никогда не делать этого, схватил планшетник и углубился в геймерскую возню. Дилара развлекала капризничавшую Амину, Порфирьев молчал и вёл себя, как замерзшая во льдах каменная глыба. Лишь его зрачки иногда двигались, окидывая то ли внимательным, то ли злобным взглядом окружающих людей. Народа вокруг становилось больше, и ещё пару минут назад полупустой вагон уже не имел свободных сидячих мест. В окно было хорошо видно, как идущие мимо люди бросали взгляд на заполненные сиденья и двигались дальше в глубь тоннеля. Некоторые из них были с маленькими детьми, и Антон пришёл к выводу, что места в составах, стоящих на платформах станции, закончились. Наверняка такие же составы стояли и на платформе станции «Плющиха», переход на которую находился в конце платформы «Смоленской». Но, раз люди с маленькими детьми появились здесь, значит, там тоже закончились места. Наиболее вероятно, что туда, на станцию «Плющиха», прибывающий с поверхности людской поток направляли в первую очередь. Ведь Антон с семьёй спустился в метро в числе первых, но всё же не самый первый, очередь к метрополитену в тот момент уже была. А это значит, что на станции сейчас должно было скопиться немало людей.

Минут пятнадцать ничего особенного не происходило, лишь плотность тянувшейся мимо их вагона человеческой вереницы заметно выросла. Внутри вагона кроме Амины и Давида других малолетних детей не имелось, поэтому атмосфера была относительно негромкой. Люди, невольно разбившись на группы по принципу ближайшего соседства, обсуждали дальнейшие перспективы, и Антон с интересом прислушивался к разговорам. Кто-то считал, что всех продержат в метрополитене сутки, пока правительство принимает меры по решению вспыхнувшего кризиса. Недаром же министр МЧС рекомендовал брать с собой сухой паёк. Другие возражали, упирая на то, что подобное требование вполне естественно, так как заложено во все

руководящие документы МЧС, посвященные катастрофам и прочим экстренным происшествиям, и потому не является показателем. ООН сделает всё, чтобы погасить международный конфликт в течение нескольких часов, и всех выпустят отсюда не позже полуночи. Одна одиозного вида не особо взрослая парочка, в каких-то готических тату с головы до ног, вообще утверждала, что конфликт полностью подстроен мировыми финансовыми воротилами с целью подхлестнуть продажи товаров и услуг для выживания по всей планете. Потому что устраивать настоящую ядерную войну никто не будет, это попросту невыгодно.

С утверждением на тему мировых финансовых воротил Антон с удовольствием бы поспорил, если б не сидел на отшибе, так далеко от основных дискутирующих, а вот насчёт невозможности глобальной ядерной катастрофы он был полностью согласен. Те, кто могут её начать, обладают властью и богатством, и лучше других понимают, что в ядерной геенне сгорит и то, и другое. Зачем им это? Так что высшие политики всегда тонко чувствуют грань, которую нельзя переступать. Даже если флоты противоборствующих сил обменялись ядерными ударами, дальше акватории Шельфа это не выйдет. Просто правительство обязано учитывать все, даже самые катастрофические варианты, что оно и делает. На их месте в подобной ситуации Антон тоже бы объявил эвакуацию. Впрочем, нет, на их месте он бы ситуацию до такого не довёл. Его действия как на внутренней, так и на внешней политической арене были бы более правильными. Жаль, что отключили интернет, сейчас бы на эту тему получилось отличное глобальное обсуждение...

Какой-то шум, пришедший снаружи, отвлек его от мыслей, и Антон встрепенулся. Неясный гул доносился из тоннеля, и он не сразу понял, что слышит гвалт множества человеческих криков.

– Что это? – Дилара прислушивалась к быстро возрастающей какофонии криков. – Что-то случилось в тоннеле?

– Это со станции! – заявил кто-то из сидящих у дверей. – Звук отражается от стен тоннеля! На станции что-то произошло!

Все, кроме Порфирьева, бросали в окна обеспокоенные взгляды. Амбал с ничего не выражающей физиономией лениво расстегнул свой рюкзакище и принялся вяло копать где-то внутри него. Антон подумал, что ничего другого от недалёкого мизантропа ожидать не приходится, и в этот момент ситуация за окнами резко изменилась. Идущие вдоль состава люди бросились бежать, кто-то на ходу запрыгивал в распахнутые двери вагонов, но основная толпа рвалась дальше, быстро увеличиваясь в размерах. Двое мужчин и женщина заскочили в их вагон, не обращая внимания на отсутствие свободных мест, побросали на пол сумки, и женщина попыталась выглянуть наружу.

– Чемодан! – Она вытянула голову, пытаясь разглядеть что-то под ногами у бегущей толпы. – Не топчите мой чемодан! – Женщина обернулась к одному из спутников: – Сделай что-нибудь! Я останусь без вещей! Они сейчас его растопчут!

Мужчина сделал шаг к дверям, но тут же отпрянул. Из бегущей вдоль состава толпы буквально выпрыгнул человек с туристическим рюкзаком за плечами и вцепился в поручень, пытаясь влезть в вагон. Бегущие мимо люди сталкивались с его рюкзаком, грозя сбросить человека вниз, и он едва не сорвался. Спутники лишившейся чемодана женщины ухватили его за руку и помогли забраться внутрь. Внизу, под дверьми, кто-то споткнулся об её чемодан и упал, мгновенно оказываясь под ногами бегущих. Раздался крик боли, переходящий в надрывный вопль, и маленькая Амина заплакала. Побледневшая Дилара попыталась её успокоить, и копающийся в рюкзакище Порфирьев, наконец, обратил внимание на происходящее.

– Двери! – судорожно выдохнул человек с туристическим рюкзаком. – Как закрыть двери?!

Он попытался закрыть дверные створы, но те не поддались.

– Что происходит?! – нервно спросила оставшаяся без чемодана женщина, отпрянув подальше.

– Не знаю! – Тяжело дышащий человек сбрасывал с себя рюкзак. – В метро началась давка! Толпа хлынула по эскалаторам напролом! Люди сверху катились даже по панелям между эскалаторов, разбивая собой лампы, многих сбили с ног, на платформах творится ад, все рвутся в глубь метро прямо друг по другу! Я видел, как человек десять затоптали за секунды!

Ему удалось снять рюкзак, и он забился в угол у противоположных открытому входу запертых дверей. В его руках оказался электрошокер, и окружающие резко посторонились, стараясь отступить на безопасное расстояние. Но человек не стал проявлять агрессию. Он отгородился от всех рюкзаком, словно занимая оборону, и пытался унять нервное перевозбуждение. В тоннеле со стороны платформы донеслись множественные выстрелы, видимо, полиция применяла оружие, и в вагоны начали запрыгивать новые люди. Аварийную лестницу, приставленную к входу, толпа снесла в первые же секунды паники, и Антон видел, как из бегущего вдоль состава людского потока то один, то другой человек пытается запрыгнуть в высокий вагон. Но ухватиться им было не за что, и бегущая толпа сбивала человека, наполовину находящегося вне вагона, утягивая его наружу, под ноги. Кому-то всё же удалось забраться внутрь, и Антон невольно содрогнулся, увидев порванную одежду и исцарапанное в кровь лицо.

– Помогите! – выдохнул новичок, отползая от распахнутых дверей, но снаружи в вагон запрыгнул кто-то ещё и схватил его за ногу, пытаясь влезть внутрь. Исцарапанный человек судорожно задергал ногами, стряхивая вцепившегося, и лягнул его в лицо, выталкивая из вагона.

– Что вы делаете?! – панически воскликнула лишившаяся чемодана женщина. – Вы спихнули его!

– Он хотел вытащить меня отсюда! – зло прохрипел исцарапанный, вскакивая на ноги и оглядываясь совершенно безумными глазами. Увидев, что никто не собирается ни помогать, ни атаковать его, он метнулся к дверям, у которых засел человек с туристическим рюкзаком, и замер в свободном углу возле противоположной от него дверной створы.

– Что там случилось? – нервно взвизгнула женщина. – Что это за безумие?! Почему стреляют?!

– Я был на улице, – хрипло ответил человек, пытаясь вытереть кровавые капли, текущие по лицу из глубоких царапин. – Стоял в очереди в метро. До входа оставалось метров десять, когда в небе, далеко на горизонте, засверкали вспышки. Их было много, и сразу везде. Кто-то закричал, что это ПВО сбивает ракеты, и началась давка. Полиция била электрошоком, и толпа вроде успокоилась, но тут что-то полыхнуло со стороны набережной. За домами было не видно что. Наверное, это произошло далеко, потому что грохот пришёл секунд через пять. Ударило оглушительно, и все бросились в метро, давя друг друга. Меня сдавило так, что ноги от земли оторвались, и чемодан из рук вырвало, только ручка в кулаке осталась. Я вдохнуть не мог, в глазах поплыло. Меня толпой в метро внесло! На эскалаторах давка, все орут, под ногами тела в агонии быются, кто-то стре...

В следующую секунду состав содрогнулся, раздался громкий хруст, и Антон увидел, как стена тоннеля рванулась в окно, сминая стену вагона, будто бумажную. Оконное стекло брызнуло тысячей трещин, вылетая внутрь, он почувствовал, как его срывает с сиденья. Освещение вагона пропало, погружая всё во тьму, Антон врезался во что-то очень твёрдое, голова ощутила тупой удар, и наступило ничто.

Часть первая

«...подытоживая всё вышеизложенное, можно утверждать следующее: углеводородные ресурсы на целевом объекте исчерпаны. Экономика местной цивилизации находится на пороге глобального кризиса, который неизбежно повлечёт за собой переход объекта на более совершенные виды энергии и способы её добычи. Что, в свою очередь, неизбежно вызовет последующий за рецессией научно-технологический рывок, в результате которого объект получит выход в глобальный космос, и как ресурсная база будет нами потерян. Марионеточное правительство, осуществляющее контроль над местными государствами, сообщает о невозможности дальнейшего сдерживания научно-технологического развития в силу наступившего отсутствия примитивных энергоносителей, являющихся основой поддерживаемого на объекте примитивного научно-технологического базиса. Недовольство аборигенов сложившимся уровнем жизни и высококонтрастным неравенством достигло значений, близких к максимальным. В случае выхода объекта на межгалактическую политическую арену существует угроза утечки информации относительно нашей роли в функционировании объекта. Шансы на возникновение у аборигенов жажды мести оцениваются как высокие. Шансы на конфликт интересов с цивилизацией Сияющих оцениваются как угрожающие. Учитывая приближение объекта к пространству Сияющих, сохранение негласного контроля над объектом становится всё более затруднительным. Продолжать дальнейшую разработку объекта чрезмерно опасно. В целях недопущения возникновения перечисленных угроз рекомендуется скорейшее свертывание всех процессов на объекте и максимально тщательная зачистка следов нашей деятельности. Особое внимание уделить полной нейтрализации марионеток в связи с их высокой информированностью и отсутствием ценности после потери объекта».

Из секретного донесения, направленного в Галактику Юр из системы звезды Ярило, перехваченного разведкой цивилизации Сияющих

День первый

20 километров от Нижнего Новгорода, окраина дачного посёлка, 29 августа 2111 года, вечер

Небольшой бревенчатый домик с резными наличниками на окнах и крохотной террасой у входа на фоне видневшихся вдали современных дачных коттеджей больше походил на избышку из русской глубинки девятнадцатого века, нежели на жилище цивилизованных людей века двадцать второго. Если бы не спутниковая тарелка, установленная на стилизованной под черепицу крыше, и небольшой электромобиль, стоящий во дворе у решетчатой ограды, то издали сходство вполне могло быть полным. Особенно если учесть, что вряд ли теперь найдётся много наблюдателей, досконально разбирающихся в сельских строениях далёкого прошлого. К тому же особо разглядеть бревенчатый домишко вряд ли получится: лес, на опушке которого он располагался, поглотил совсем маленькое дворовое пространство почти целиком. Деревья не росли вплотную к ограде лишь потому, что вдоль её внешнего периметра шёл неглубокий противопожарный ров метровой ширины, в районе ворот перегородженный нехитрым мостом из старой бетонной плиты, уложенной сверху и утопленной заподлицо с уровнем земли. От мостка

до ближайшей асфальтированной дороги, заканчивающейся на окраине дачного посёлка, шёл узкий просёлок, поросший травой со следами давней активности газонокосилки. Сам противопожарный ров был недавно вычищен, и вдоль него кое-где виднелись неубранные кучки сосновой хвои, извлеченные со дна. По стволу ближайшего к одной из таких кучек дерева спустилась белка и замерла в полутора метрах от земли, внимательно изучая торчащую из кучки шишку. Одна из трёх нарядно одетых молодых девушек, сидящих за чайным столиком на террасе, осторожно подняла руку с голограмматором, стремясь сделать снимок.

– Какая прелесть! – заявила жгучая брюнетка, щелкая камерой. – Это будет милое фото! Ин, у тебя белки ручные? Можно, я покормлю её с ладони, а ты сфоткаешь?

– Света, я же просила, – мягко сказала сидящая рядом с ней сероглазая подруга с длинным хвостом волос почти белого цвета. Она шутливо нахмурила столь же белесые брови, – не называй меня Ин. Как-то коряво звучит.

– Думаешь, Ингеборга звучит плавно? – прыснула в ответ брюнетка, бросая весёлый взгляд на третью подругу, шатенку в дорогом платье с тщательно уложенной причёской.

– По крайней мере, это моё имя, – не сдавалась блондинка, подхватывая улыбку. – И оно мне нравится. А белки не мои, они лесные, людей боятся. Из рук они только у папы лакомство брали...

Она на миг запнулась, и её белесые ресницы поникли. Шатенка, явно старшая по возрасту из них троих, заторопилась перевести разговор на другую тему:

– Мне тоже нравится имя Ингеборга, – она мельком бросила на брюнетку укоризненный взгляд, – звучит необычно и очень нестандартно! Но произносить слишком долго. Может, Инга подойдёт?

– Это уже другое имя, – вновь улыбнулась блондинка. – Но лучше так, чем Ин.

– А как тебя мама называла, я имею в виду, ласково? – поинтересовалась брюнетка.

– Света! – одернула её шатенка. – Перестань!

– Извини, – до брюнетки дошло, что она задевает болезненную тему, и стушевалась.

– Всё нормально, Кристина, – заступилась за неё блондинка. – Жизнь продолжается. Нельзя бесконечно горевать о бедах, о них нужно помнить, но не упиваться ими. Так папа говорил. – Она перевела взгляд на брюнетку и улыбнулась: – Мама всегда называла меня Ингеборга. Это она дала мне такое имя и очень любила его произносить. Папе тоже нравилось.

– А, ну да, – спохватилась брюнетка, – твои родители же из Прибалтики! Как вы попали в Москву?

– Мама из Прибалтики, – уточнила блондинка. – Папа из-под Красноярска. Они познакомились на соревнованиях по спортивному ориентированию. Папа тогда уже был мастером спорта, а мама только начинала, у них большая разница в возрасте была. Соревнования проходили в лесу, и где-то на середине дистанции мама упала и получила травму. Легкое растяжение, но завершить состязание самостоятельно она уже не могла. Надо было сходить с дистанции, и она очень расстроилась, что подвела всю команду. Тут на неё наткнулся папа, их команда в этот момент тоже соревновалась. Он наложил маме простенькую повязку и повёл дальше. Так они вдвоем все контрольные точки и прошли. Папа соревнования, конечно же, проиграл, но всегда говорил, что в тот день выиграл свой самый главный приз. С тех пор они почти не расставались, и мама переехала к нему в посёлок под Красноярском. Потом отцу предложили работу в Нижнем, так они сюда и перебрались. Я уже здесь родилась. В Москву мы не попадали, я там учусь, а живу здесь.

– Как это – здесь? – удивилась шатенка. – Ты хочешь сказать, в Нижнем Новгороде?

– Здесь, – блондинка негромко рассмеялась, указывая на входную дверь позади себя. – Прямо тут! Это мой дом. Могу показать прописку.

– Офигеть! – брюнетка изумлённо подняла брови. – Я думала, это дача! Эко-посёлок и всё такое, поэтому так далеко от Москвы! А квартира в Москве не твоя?

– Квартира съёмная, – подтвердила блондинка. – Родители арендовали её для меня, когда я поступила в универ. Они были категорически против общежития, а из Москвы сюда каждый день не поездишь. И долго, и дорого.

– Так это здесь ты каждый уик-энд зависаешь? – сообразила шатенка. – Вот почему тебя ни на одну тусу не дозовёшься! И не лень тебе сюда постоянно гонять? – Она поспешно поправила: – То есть тут очень красиво – лес, свежий воздух, экология, отдыхать здесь время от времени очень клёво, но тебе не скучно? Тут же цивилизации почти нет!

– Я её не очень люблю, – призналась блондинка, отвечая подруге лёгкой улыбкой. – Мне здесь хорошо. Да и за домом следить надо. Теперь, когда родителей не стало, кроме меня больше никому.

– Видели мы вчера, как ты в комбезике а-ля «леди-механик» канаву вдоль забора лопатой чистишь, – шатенка не стала скрывать удивления. – Я думала, это ты просто так, чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей. Не проще нанять специального человека?

– Не хочу доверять дом чужакам, – блондинка покачала головой. – Да и денег для найма у меня всё равно нет. Всё уходит на учёбу и московскую однушку. И потом, мне нравится здесь возиться, это действительно отвлекает. Это, кстати, не канава, а противопожарный ров. По закону им должна быть обнесена жилая территория, если она к лесу прилегает. За лес на участке надо платить очень большой налог, так что нам... то есть мне принадлежит только то, что внутри ограды, четыре сотки.

– Три года дружим, и только сейчас выясняются такие подробности! – подытожила шатенка, подхватывая стоящий на столике фужер. – По этому поводу предлагаю поднять бокалы! Обещаю в честь дня твоего рождения сегодня называть тебя строго полным именем! С днём рождения, Ингеборга!

– С днём рождения, Инга! – подхватила брюнетка, поднимая свой фужер. – Тебе исполнилось двадцать! Завидую! Мне через полгода двадцать один, а я тоже хочу двадцать!

Подруги соприкоснулись фужерами и символически опустошили бокалы. Блондинка потянулась к стоящему посреди столика ведёрку с искусственным льдом, извлекла оттуда бутылку с водой и принялась заново наполнять фужеры.

– Давно я не была на безалкогольном дне рождения! – улыбнулась шатенка, подставляя фужер.

– У нас никто не пил, – блондинка вернула запотевшую бутылку в ведро, – как-то так повелось.

– И правильно! – оценила шатенка. – Я, если помнишь, глядя на тебя, бросила! И на пользу пошло. Ещё бы курить бросить, но из-за этой учебы столько всего приходится зубрить, что по-другому у меня расслабиться не получается. Светик! – она перевела взгляд на брюнетку: – Как ты курить бросала? Признавайся!

– Трижды! – хихикнула брюнетка. – Почти получилось! Я теперь, пока трезвая, вообще не курю.

– Надо нам сюда почаще приезжать! – сделала вывод шатенка, демонстративно вдыхая лесной воздух. – Супер! Тут мы быстро встанем на путь истинный! – Она многозначительно улыбнулась и подчеркнуто произнесла полное имя подруги: – Ингеборга! Как в ваших дивных краях решается вопрос с мужским вниманием? Ты покажешь нам, наконец, своего прекрасного принца и его свиту?

– Нет у меня принца, сколько раз повторять, – вновь рассмеялась блондинка. – Принцев в мире мало, на всех не хватает, поэтому я уступаю свою очередь страждущим! Не хочу принца, хочу рыцаря в сияющих доспехах! К сожалению, в нашем мире больше распространены мрачные деловые костюмы. Или не мрачные, но всё равно костюмы. А мне пиджаки не нравятся. Один стандарт на весь мир.

– Ищешь неформала? – прыснула брюнетка. – Или лесника?

– Неформалов я тоже не люблю, а местные лесники с бутылкой дружат сильнее, чем с лесом.

– О, да! – засмеялась шатенка. – Тебе не угодишь, мы в курсе! Единственная настоящая натуральная блондинка в универе неприступна, как скала! Что только подогревает мужской интерес. И женскую неприязнь! – Она сделала суровое лицо: – Не вздумай перекрашиваться в тёмный цвет! Мне конкурентки не нужны! Тем более, тебе не пойдет, корни будут нелепо смотреться.

– Не буду, – блондинка воспроизвела за подругой суровую физиономию и положила руку на сердце: – Торжественно обещаю! Быть блондинкой сейчас не модно, а я обожаю, когда немодно!

– То есть ты постоянно сидишь тут, в полном одиночестве? – брюнетка вернула разговор в прежнее русло. – Так и всю жизнь в одиночестве просидеть недолго! И будут тебе светить лишь коллеги по работе или пациенты! И это с такой внешностью! Сколько раз говорить, ты хотя бы видеоблог води! Фитоняшки сейчас снова набирают популярность, просмотров будут тысячи... – Светлана не успела закончить фразу. Персональный коммуникатор на её запястье издал мелодию вызова, и она посмотрела на дисплей: – Мама звонит! Надо ответить! – Она коснулась сенсора: – Алло, мам?

– Света, где ты находишься?! – звонившая была насмерть перепугана.

– Я в Нижнем, у Инги на дне рождения, я же говорила! – ответила брюнетка. – Что случилось?! С тобой всё хорошо?!

– Вы что, не смотрите новости?! – задохнулась её мать. – На Шельфе ООН ядерный конфликт! В стране объявлено военное положение, всех эвакуируют! Срочно бегите в бомбоубежище! Мы уже идём к метро! Скажи мне адрес, где вы находитесь, я поищу ближайшее бомбоубежище...

Мелодия вызова, раздавшаяся из коммуникатора шатенки, заглушила её слова, и Кристина торопливо ответила на вызов. Звонила её мать, тоже на грани паники, и с тем же вопросом. Паническое настроение родителей мгновенно передалось дочерям, и девушки испуганными голосами пытались выяснить у именинницы точный адрес.

– У нас есть, где укрыться, – неожиданно ответила блондинка. – Бомбоубежище рядом. Скажите, пусть не волнуются. Мы будем там через минуту, я только дом на сигнализацию поставлю.

– Что? – в голосе брюнетки зазвучало облегчение. – Mam! Тут есть бомбоубежище! Прямо рядом! Минута ходьбы! Я тебе оттуда перезвоню! – Она сбросила вызов и посмотрела на подруг: – Надо собрать вещи! – И устремилась внутрь дома.

Кристина поспешила следом и остановилась, замечая, что блондинка вместо дома направляется к воротам. От волнения она решила, что подруга уходит в бомбоубежище без них.

– Ты куда? Подожди нас!

– Надо ворота запереть! – Ингеборга добежала до ворот и в несколько быстрых движений заперла замок и активировала сигнализацию. – Мало ли что! Вдруг кто-то взлезет, пока мы будем в бункере!

– Мы же ещё не вышли! – опешила Кристина. – Хочешь лезть через забор?!

– Бункер внутри! – Ингеборга побежала обратно к дому. Она схватила ничего не понимающую подругу за руку и потащила за собой: – Под домом бомбоубежище! Скорее заходим, мне тоже собраться надо!

Спустя минуту Кристина и Светлана, нервно сжимающие рукояти наскоро собранных чемоданов, с удивлением смотрели, как их подруга отодвигает книжный шкаф, стоящий в дальней комнате. Высокая Ингеборга не отличалась мощной фигурой, но шкаф поддавался на удив-

ление легко. За ним на стене обнаружилась панель управления с толстыми металлическими кнопками вместо сенсоров.

– Отойдите! – блондинка жестом заставила подруг потесниться и нажала на несколько кнопок, воспроизводя нужную комбинацию. – Не то люком заденет!

Выполненный под обычный ламинат участок пола размерами полтора на полтора метра поднялся на ребро, оказываясь фальшивой панелью, под которой обнаружилась горизонтальная стальная дверь. Ингеборга ухватила за рукоять и с усилием распахнула дверь, словно крышку погреба.

– Спускайтесь вниз! – Она щелкнула выключателем, скрытым где-то под люком, и вспыхнувшее освещение озарило трап с широкими ступенями и поручнями, уходящий под землю. – Держитесь крепче, лестница крутая.

– Ничего себе! Это что?! – опешила Светлана. – Семейное бомбоубежище?! Как в рекламе? Оно же стоит полмиллиона баксов!

– Самодельное. Отец сам построил, десять лет потратил. Давай чемодан! – Ингеборга забрала у подруги чемодан и сложила транспортировочную рукоять. Она уложила чемодан на обнаружившуюся рядом с трапом наклонную плоскость, уходящую вниз вдоль лестницы, и толкнула его вниз. – Не бойся, внизу натянута багажная сетка, специально, чтобы груз ловить.

Следом отправился чемодан Кристины, и девушки начали спускаться вниз. Пока они осторожно шагали по глубокой лестнице, сверху мимо них по багажной направляющей промчалась пара объёмистых спортивных сумок. Затем раздался звук захлопывающегося люка, и хозяйка дома присоединилась к подругам, привычно сбегая вниз по ступеням без помощи поручней.

– Офигеть! – Светлана разглядывала мощные низкие своды маленького тамбура, оканчивающегося наглухо задраенным люком с кремальерным замком. – Прямо как в страшном кино! И что дальше?

– Помогите открыть, – Ингеборга ухватила за кремальеру. – Первый виток тяжело проворачивается. То ли там что-то подклинивает, то ли так и должно быть...

Совместными усилиями кремальеру удалось провернуть, и люк был распахнут, открывая доступ в бункер. Внутри обнаружилось небольшое, но довольно цивильное пространство, разделенное толстыми стенами с герметично закрывающимися дверьми.

– Это всё твой отец построил сам? – не поверила Кристина. – Просто так?!

– Он был помешан на выживании, – Ингеборга с грустью вздохнула, вспоминая ласковую отцовскую улыбку. – Любил повторять, мол, выживут только параноики! Вечно готовился то к нападению злых инопланетян, то к появлению добрых, к ядерной войне, к всемирному похолоданию, к глобальному потеплению и ещё к десятку разных катастроф. Очень любил читать всякую литературу на эту тему. Вот и построил убежище вместо квартиры. Это он настоял, чтобы я поступила в медицинский, на травматолога. Говорил, универсальная специальность, пригодится в любых обстоятельствах. Так я в Москве и оказалась.

– Офигеть... – повторила Светлана. – Все строят жильё в престижном месте, а вы – бункер в глуши! И твоя мама спокойно к этому относилась?

– Мама говорила, что ей нравится играть в отцовские игрушки, – Ингеборга с усилием захлопнула люк и задраила кремальеру. – Они с папой любили друг друга и всё делали вместе. Как видишь, сегодня нам это пригодилось.

– Никогда бы не поверила, если б сама не увидела, – Кристина удивлённо наблюдала, как Ингеборга по-хозяйски возится с каким-то сложным техническим оборудованием, щелкая рубильниками и сверяясь с индикаторами приборов.

– Готово! – провозгласила хозяйка. – Сейчас бункер висит на обычном питании, как весь дом, но в случае отключения автономное питание запустится автоматически. – Ингеборга подхватила свои сумки: – Пойдемте, это техническое помещение. Жилой отсек дальше.

Она распахнула гермодверь и провела подруг в следующее помещение.

– А здесь ничего так! – оценила Кристина, осматриваясь. – Уютненько! Это пенообои?

– Они из водорослей сделаны, – объяснила хозяйка. – Папа из Японии заказал, через какой-то клуб для выживальщиков. Экологически чистые, и основа, на которую они наносятся, напыляется на стену и снижает вред от бетона. Стены же бетонные, а он вреден для здоровья. Бетон, правда, обычный, настоящие бомбоубежища строятся из специального бетона, с добавками, чтобы повысить сопротивляемость жесткому излучению. Но спецбетон стоит слишком дорого, и его использование отслеживают спецслужбы. Папа говорил, что в случае катастрофы нам хватит и обычного, потому что мы живём на отшибе, и прямо по нам стрелять никто не будет. Располагайтесь!

Девушка указала подругам на тройку массивных кресел, стоящих вдоль стены. Перед креслами имелись столики, в случае необходимости становящиеся обеденными, стена напротив несла на себе не новую, но вполне неплохую голографическую видеопанель.

– Раскладывающиеся, с вибромассажем! – Светлана оставила чемодан и уселась в одно из кресел. – Комфортная у вас планировалась катастрофа, со всеми удобствами! А почему только три кресла?

– Потому что их было трое, – с иронией ответила за Ингеборгу Кристина. – Не благодари!

– Спасибо, не буду! – парировала Светлана и перевела взгляд на хозяйку: – Вы не планировали никого спасти кроме себя?

– Отец был выживальщиком, а не психом, – Ингеборга скрыла усмешку. – Это было его хобби. В то, что катастрофа наступит по-настоящему и неизбежно, он не верил. Просто принимал меры предосторожности. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Так он шутил. Поэтому бункер рассчитан на нашу семью. Если бы со временем нас стало больше, то количество кресел можно было увеличить. Место ещё есть. И для кроватей тоже.

– У вас тут ещё и кровати есть? – Кристина плюхнулась в кресло рядом со Светланой. – Уважаю подход! А бассейна с джакузи, случаем, не найдется?

– Бассейна с джакузи нет, – Ингеборга открыла дверь в ещё одно помещение и принялась заносить туда вещи. – Есть душевая кабина. Маленькая, но принять душ хватит. Это спальня, – донеслось изнутри помещения, и подруги поспешили за ней, останавливаясь на пороге.

– Совсем крохотная, – оценила Светлана, – три кровати вдоль стен. Ты же сказала, что есть место...

– Кровати в случае необходимости делаются двухъярусными, – объяснила Ингеборга. – А больше шестерых в этом бункере не поместится. Тут всего шестьдесят квадратов вместе с техническими помещениями. Бетонный мешок шесть на десять на глубине в пять метров, и половину занимает оборудование: скважина, аккумуляторы, фильтровентиляционная установка, кладовая с холодильником и шкафы со снаряжением.

– Кроватки из натурального дерева! Тоже хендмейд? Какая твоя? – поинтересовалась Кристина.

– Центральная. Здесь всё самодельное, кроме сложного оборудования. Зато сделано с душой.

– Тогда я пойду налево! – хихикнула Кристина, бросая свой чемодан возле выбранной кровати. – Интересно, сколько нам придется тут просидеть? У тебя здесь, под землёй, новости ловит?

– Пока антенна на крыше стоит, всё ловит, – Ингеборга покинула спальню и включила видеопанель. – Интернет, мобильная связь и прочее. Как у всех.

– Надо позвонить маме, она волнуется! – Светлана принялась возиться с коммуникатором.

Голографическая панель на стене вспыхнула, и на экране появился один из центральных новостных каналов. По нему непрерывно транслировались, сменяя друг друга, обраще-

ния Премьер-министра и министра МЧС, параллельно с которыми выводилась карта области с отмеченными на ней объектами Гражданской Обороны. Система геолокации определяла местонахождение абонента и автоматически транслировала ему данные по объектам ГО в непосредственной близости, но в данном случае это помогало мало. Ближайшее бомбоубежище находилось в пригороде Нижнего Новгорода в пятнадцати километрах от дачного посёлка, и на ведущем к нему шоссе образовалась почти километровая пробка. Ингеборга подумала, что возле «Подземстроя-1» сейчас должно быть настоящее столпотворение. Если люди успели до него доехать. Ведь он расположен в сотне километров от Нижнего, вдали от населённых пунктов. «Подземстрой-1» изначально позиционировался как полностью гражданский объект, рассчитанный на приём мирного населения. Никаких военных функций у него не было, и вся информация по строительству с самого начала находилась в открытом доступе. Отец часто сверялся с ней, чтобы убедиться, что в собственном бункере всё сделано правильно, и пару раз даже что-то переделывал в системе жизнеобеспечения, устраняя мелкие ошибки. Ингеборга изменила масштаб карты и искала глазами отметку «Подземстроя-1». Он оказался немного дальше, чем она думала, и единственная ведущая к нему дорога была забита плотным потоком автомобилей примерно на треть своей протяжённости. Основная масса народа ещё не успела доехать до бункера, выходит, эвакуацию объявили недавно...

– Мама, это я! – громко зазвучал голос Светланы. – Вы где?

– Мы стоим в очереди в бомбоубежище! – взволнованно донеслось в ответ. Отсюда Ингеборге не было видно дисплея персонального коммуникатора подруги, но и без того было ясно, что её мать сильно напугана. – Тут огромная толпа! Все увешаны вещами, очередь движется медленно! Все на нервах, кругом ругань, но возле входа много полиции, и всё вроде проходит без конфликтов. Где ты сидишь? Что это за место? Ты добралась до убежища?

– Я уже в нём! – постаралась успокоить мать Светлана. – Представляешь, у Инги собственное бомбоубежище! Реально! Прямо под домом! Её отец сам построил... Мам? Алло! Алло! Блин! – Она недовольно теребила коммуникатор. – Связь прервалась!

Светлана повторяла вызов, но связаться с матерью не получалось. Из спальни выскочила Кристина с той же проблемой:

– Сеть пропала! Я с мамой говорила, на полуслове оборвалось! – Она посмотрела на Ингеборгу: – Может, с антенной что-то? Можно сделать что-нибудь?

– Антенна работает, – Ингеборга кивнула на видеопанель, продолжающую трансляцию. – Телеканалы же показывают. – Она посмотрела на свой коммуникатор. – Сеть пропала... странно...

Телевизионное изображение сильно зарябило и исчезло в пурге помех. Ингеборга пыталась переключать каналы, но вещание прекратилось везде, коммерческие каналы тоже не отвечали.

– Интернет тоже пропал... – начала было она, как вдруг освещение вырубилось, и бункер мгновенно погрузился в кромешную тьму.

Из технического отсека донёсся короткий зуммер, и световые панели вспыхнули вновь.

– Что это было?.. – испуганно произнесла Кристина, переводя взгляд с одной подруги на другую.

– Электричество отключили, – растерянно произнесла Ингеборга. – Сработало автономное питание... В тамбуре есть контрольная панель! Можно понять, что происходит наверху!

Она бросилась к выходу, и обе подруги устремились за ней. Ингеборга выскочила в тамбур и остановилась перед установленной в стену небольшой приборной доской.

– Они тоже самодельные? – Кристина остановилась рядом, неуверенно вглядываясь в размещённые на стене стрелочные приборы допотопного вида. – Они работают?

– Приборы фабричные, – Ингеборга разглядывала показания. – Отец говорил, что в условиях ядерной или климатической катастрофы механические приборы надёжнее электронных,

потому что меньше страдают от помех и низких температур. Всё работает. Вот термометр, на улице плюс двадцать пять. Рядом барометр, давление обычное. Это счетчик Гейгера, показывает стандартный для этой местности фон. Это датчик гелиографа, наверху сейчас летний вечер, темнеть ещё не начало...

Неожиданно стрелка гелиографа зашкалила в крайнее состояние и задрожала, упершись в ограничитель. Ингеборга замерла на полуслове. Почти одновременно то же произошло со счетчиком Гейгера.

– Что это значит... – растерянно произнесла Светлана. – Это же вспышка на солнце, правда?..

Стрелка барометра резко зашкалила, переходя на хаотичные метания, и пол под ногами слабо завибрировал. Следом за ней стрелка термометра взлетела до максимальной отметки в плюс сто по Цельсию и застыла в крайнем положении, упершись в ограничитель. Несколько секунд приборы показывали максимальные значения, затем все стрелки упали на ноль, и небольшой зеленый индикатор в углу приборной панели сменил цвет на красный.

– Что случилось с приборами? – голос Светланы нервно дрогнул.

– Датчиков наверху больше нет, – глухо ответила Ингеборга. – Значит, дома тоже больше нет. Они были расположены на крыше.

– Там, наверху, ядерный взрыв... – тихо выдохнула Кристина, тщетно пытаясь унять дрожь. – Пол дрожит... Вдруг потолок рухнет...

– Не рухнет, – так же тихо ответила Ингеборга. – Он на это рассчитан... Нас может убить только контактным ядерным взрывом, а таких здесь не будет...

– Откуда ты знаешь? – прошептала Светлана, невольно снижая тон следом за подругами.

– Контактные удары наносят только по стратегическим объектам, так папа говорил. – Ингеборга никак не могла отвести взгляд от красного огонька приборной панели. Сначала она лишилась родителей, и весь её мир сократился до размеров их маленького домика. Теперь погиб и он. Наверное, это судьба: после гибели её мира большой мир стал не нужен... – Рядом с нами таких объектов нет. Поэтому отец и выбрал этот район... По обычным целям бьют воздушными ядерными ударами, от них спасает слой грунта толщиной в два метра, а мы на пятиметровой глубине...

– Что теперь будет?.. – потрясенно произнесла Светлана и осеклась. Пол под ногами вновь тихо задрожал. – Ещё один взрыв! – паническим шепотом закончила она.

– Пошли в зал! – Ингеборга заставила себя отвернуться от приборной панели. – Отец говорил, что обмен ударами может продолжаться долго. Надо дожидаться, пока всё успокоится.

– А что потом? – Кристина торопливо поспешила за ней, боясь остаться одна, словно тесный тамбур размерами полтора на полтора был зловещей лесной чащей. – Что мы будем делать дальше?

– Ждать, когда начнётся спасательная операция, – Ингеборга уселась в кресло, подавая пример. – Рано или поздно взрывы прекратятся, и спасатели начнут искать выживших.

– Но они же не знают, что мы здесь! – не выдержала Светлана. – Никто не знает, что мы здесь! Я даже маме не успела сказать твой адрес!

– Не истери! – твёрдо одёрнула её Ингеборга. – С нами ничего не случилось, и это главное! Мы тут в безопасности! – Она ткнула рукой в видеопанель. Не сумев найти действующих интернет- и телеканалов, оборудование перешло в автономный режим и демонстрировало стоп-кадр последнего воспроизведения: карту с отметками пробок на дорогах, ведущих к бомбоубежищам. – Так повезло не всем! Как только закончатся взрывы, выдвинем внешнюю антенну и попытаемся связаться с МЧС.

– Здесь есть связь с МЧС? – в голосе Кристины зазвучало облегчение.

– Прямой связи нет, – ответила Ингеборга. – Откуда бы она у нас взялась... Но есть радиопередатчик, папа купил его как-то раз, когда МЧС распродало списанное оборудова-

ние. Он настроен на аварийные частоты, на которых посылают сигналы бедствия. Нас обязательно услышат, но для этого должно пройти время, потому что сразу после ядерных взрывов уровень помех очень высок, и сигнал никуда не пробьётся. Так что сидим и ждём! И не ныть! Нам ещё очень повезло!

– Надеюсь, мама успела зайти в бомбоубежище, – Кристина забралась в кресло с ногами, невольно стремясь забиться поглубже. – Я буду за неё молиться... – Она умолкла, испуганно прислушиваясь к очередному приступу мелкой дрожи, охватившей маленький самодельный бункер.

Тихий океан, 100 морских миль от побережья США, перископная глубина, борт российского подводного атомного ракетносца

– Ракеты ушли! – гарнитура системы связи ожила докладом командира БЧ-2¹.

Приникший перископу командир подводного ракетносца несколько секунд провожал взглядом сонм инверсионных следов, протянувшихся в сторону берегов противника. Новейшие гиперзвуковые ракеты были выпущены из подводного положения и со скоростью почти в десять махов устремились к целям. Тридцать крылатых ракет, каждая из которых разделится на пятнадцать боевых частей мощностью в четыре мегатонны каждая, достигнут целей менее чем через тридцать секунд, и перехватить их противник не сможет. Командование тщательно рассчитало удар. Первая волна ответно-встречного ядерного удара находится на полёте, на финальном отрезке баллистических траекторий, и все системы ПРО и ПВО противника загружены противодействием приближающемуся возмездию. Но возмездие всё равно последует. Карающей дланью явился его подводный ракетносца и другие такие же, несущие боевое дежурство у берегов противника. Их залп перехватывать врагам уже нечем, и вряд ли противник успеет сделать больше, чем хотя бы обнаружить вынырнувшие из-под океанской глади ракеты, преодолевающие за минуту более трёхсот километров.

– Убрать перископ! – командир подводного ракетносца направился к своему боевому посту. – Погружаемся на глубину восемьсот метров с дифферентом пять градусов на нос!

Экипаж принялся выполнять приказ, и в памяти капитана-подводника закрутился калейдоскоп недавних событий. Его атомный ракетносца находился в одиночном плавании шестьдесят первые сутки, из которых почти месяц прошёл у берегов вероятного противника. Когда он выходил в поход, никаких террористов на Шельфе ООН не было в помине, и задание обещало быть хоть и сложным, но всё же достаточно привычным. Подводный ракетносца успешно преодолел противолодочную оборону натовцев, подошёл к берегам США и затаился в заданном районе, наиболее эффективном с точки зрения проведения ракетных пусков. За прошедшие дни вероятный противник неоднократно проводил поисковые противолодочные мероприятия, но обнаружить подводный ракетносца не смог. Тяжёлый ракетный крейсер принадлежал к проекту последнего поколения и был оснащён новейшими боевыми системами, в море ходил четвертый год и отлично себя зарекомендовал. Экипаж подводного ракетносца был опытный и дело своё знал на «отлично», за что не раз был отмечен командованием флота. Словом, очередное одиночное плавание обещало пройти аналогично предыдущим.

Сообщение о захвате террористами Шельфа ООН командир подводного крейсера получил посредством радиоперехвата переговоров кораблей береговой охраны вероятного противника. Потом пришла шифровка из штаба, подтверждающая информацию, в которой предписывалось усилить бдительность. В тот момент никто не догадывался, чем всё закончится, и командир ракетносца лишь пожал плечами. Усилить так усилить, хотя в действительности усиливать уже некуда. Лодка находится у берегов противника, тут не до шуток, из ста тридцати семи членов экипажа нет ни одного такого, кто бы не осознавал всю серьёзность положения

¹ Ракетно-артиллерийская боевая часть.

и вытекающие из этого риски. В его экипаж подобраны опытные профессионалы минимум с семилетним стажем, наивных среди них не имеется.

Но даже самый высокопрофессиональный специалист не ожидал того, что происходит сейчас. Катастрофа вспыхнула едва ли не мгновенно, а информация до затаившейся на почти километровой глубине лодки доходит не быстро. Командир подводного ракетносца только узнал об обмене на Шельфе ядерными ударами, а со спутника уже пришла информация о массированных ракетных пусках. Через десять минут десятки тысяч баллистических и гиперзвуковых крылатых ракет мчались во все уголки несчастного земного шара, готовясь разделиться на сотни тысяч ударных боевых частей, чтобы навсегда утопить мир в пучине термоядерного огня. Экипаж подводного ракетносца потрясённо наблюдал за развитием событий, понимая, что принцип домино запущен, и уже никто ничего не в силах изменить. Потом пришёл приказ подготовиться к нанесению ракетного удара по противнику, из вероятного ставшим реальным и безжалостным агрессором. Ракетносец всплыл на перископную глубину, получил пусковые коды и приготовился к атаке.

Противник ожидал чего-то подобного и попытался предотвратить неотразимый удар. Враги нанесли по прибрежным водам серию ядерных ударов, стремясь подводными ядерными взрывами расплющить российские подводные лодки. Но точного местоположения ракетносцев никто не знал, а океанские просторы огромны настолько, что полностью обезопасить себя противнику не удалось. Возможно, какие-то лодки погибли, но большая их часть либо уцелела, либо сохранила возможность перед смертью произвести пуски. Отдавая команду запустить ракеты, командир подводного ракетносца успел подумать, что в эту же минуту такой же приказ отдаёт командир какой-нибудь натовской подлодки, скрытно подкрадываясь к нашим берегам... А ведь сейчас двадцать второй век, и таких лодок у каждой крупной державы многие десятки, у некоторых даже сотни. Разрушения будут чудовищны по всему миру. Зачем?! Он сознательно отказался от создания семьи и всю жизнь посвятил службе на подводных ракетносцах именно ради того, чтобы этого кошмара никогда не случилось. Но жуткая катастрофа происходит прямо на его глазах, и он является одним из непосредственных участников процесса самоуничтожения цивилизации.

– Погружаемся на глубину восемьсот метров. Осмотреться в отсеках! – голос капитан-лейтенанта Ритайлина, командира БЧ-5² по внутренней связи звучал отчетливо. Командир ракетносца подумал, что в отличие от океанской толщи там, на поверхности, скоро будет жесточайший уровень помех. Позже надо будет выпустить радиобуй, иначе никакие сигналы до лодки не дойдут.

Погружение шло в штатном режиме, противник больше не наносил ударов, хотя сейчас местоположение лодки было выдано стартовавшими ракетами. Спутники не могли не засечь район пусков, но либо врагам было уже не до отстрелявшихся подводных лодок, либо воздушно-космические войска начали уничтожение вражеских спутников, и подводному ракетносцу удалось остаться незамеченным. В любом случае из района пусков необходимо уйти как можно быстрее, боевая задача выполнена, и оставшийся без ракет ракетный крейсер для дальнейшего ведения боевых действий практически бесполезен.

– Глубина восемьсот метров! – последовал доклад.

– Средний ход... – закончить команду капитан не успел. Подводный ракетносец смело таранным ударом водных масс, людей расшвыряло, словно кегли. Капитан врезался в приборный блок, и хруст скрежещающего металла оборвался вместе с сознанием.

² Электромеханическая боевая часть.

* * *

– Товарищ старший лейтенант! – водитель тягача испуганно вглядывался в навигатор. – Тут должен быть поворот! Но его нет! Навигатор ни фига не работает! Мы не там, где он показывает!

– Да и хрен с ним! – офицер придал своему голосу нотки непоколебимой уверенности. – Без него справимся. Всё равно уровень помех будет только расти. Двигай вперед, пока дорога есть!

Тягач-вездеход, несущий на себе пусковые установки, полз по узкой таёжной дороге, задевая бортами торчащие ветви, и углублялся всё дальше в чащу. Старший лейтенант, неожиданно ставший самым старшим офицером в том, что осталось от полка ракетных войск стратегического назначения, бросил взгляд в зеркало бокового вида. Второй тягач с пусковыми шёл следом, позади него, над верхушками деревьев, отчетливо виднелась россыпь выпирающих из-за горизонта ядерных грибов. Выйти из района поражения они смогли чудом, сами того не ожидая. Повезло, иначе не скажешь. Сначала подвёл навигатор, одновременно с этим командование ввело режим радиомолчания, потом оказалось слабое знание местности, с которым у старшего лейтенанта были проблемы с самого начала прохождения службы в негостеприимно холодной Сибири. Хорошо ещё, что сейчас лето, и тепло.

Называя вещи своими именами, он запутался в таёжных перекрестках и завел обе машины черт знает куда. Поначалу им даже попадались опустевшие лагеря лесорубов, и снующие между брошенной техники собаки проводжали мобильные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет злобным лаем. Потом дорога уползла в такую глухомань, что впору было нарушать приказ о радиомолчании и просить помощи. Чтобы чего не вышло, старший лейтенант сделал физиономию тяпкой, мол, так и должно быть, и подчиненные не стали спорить с начальством. Он даже решил развернуться и двинуться в обратную сторону, но реализовать это не смог. Дорога была настолько узка, что исключала возможность разворота длиномерных тягачей, и кроме движения вперед в поисках пригодного для этого места больше ничего не оставалось. А потом со спутника пришли данные о ракетной атаке, и несколько секунд все пребывали в молчаливом шоке, не веря своим глазам и ушам. Ядерная война началась.

Подразделение РВСН, в котором служил старший лейтенант, подняли по боевой тревоге в первую же минуту после поступления информации об обострении конфликта в акватории Шельфа ООН. Никто не понимал, как в Тихом океане всё смогло дойти до такого, но времени на разглагольствования не было. Мобильные пусковые установки срочно покидали пункт постоянной дислокации и на максимальном ходу выходили в районы производства пусков. Тягач старшего лейтенанта ещё не успел достичь нужной точки, а от начальства уже пришёл приказ: продолжить движение и углубиться в глухую тайгу как можно дальше. Старший лейтенант сибиряком не был, и тайгу как свои пять пальцев не знал, хотя вряд ли каждый сибиряк в наши дни запросто ориентируется в этих непролазных дебрях. Короче говоря, оказавшись в районе, не входившем в перечень тех, где обычно проводились учения, старший лейтенант свернул на какую-то просеку, перепутав её на навигаторе с какой-то лесной дорогой, и заблудился. Это оказалось счастливым билетом. Первая же волна ракетной атаки противника накрыла и районы постоянного базирования их ракетного полка, и районы рассредоточения, из которых, согласно инструкциям, должны были осуществляться пуски.

За десять минут до того, как пол-Сибири захлестнуло ядерным огнём, командованию стало ясно, что удара не избежать, и командиры пусковых установок получили приказ произвести пуски по странам-агрессорам. Все установки, которые ПВО оказалось не в силах прикрыть, отстрелялись за секунды перед прибытием ракетного потока и героически сгорели в термо-

ядерной геенне. Перед смертью комполка лично связался со старшим лейтенантом и отдал персональный приказ. Оказалось, что пока старлей плутал по просекам лесорубов, его тягачи вышли из зоны сплошного поражения в настолько глухую местность, что в ней никто не живёт даже в двадцать втором веке. Судя по данным объективного контроля, машины старшего лейтенанта не будут уничтожены, поэтому он не должен производить пуски и поступает в распоряжение Центрального КП в подземном городе под уральскими горами. ЦКП связался с старшим лейтенантом сразу после первой волны. Начальство убедилось, что крохотное подразделение осталось в живых, и передало новый приказ. Вычислительные блоки пусковых установок старшего лейтенанта приняли новые данные целеуказания, и с той минуты его подразделение выполняло единственную задачу: выжить в течение суток и ровно в семнадцать ноль-ноль следующего дня произвести пуски по новым целям.

С тех пор старший лейтенант выполнял приказ, уводя пару тягачей всё дальше в тайгу. Там, откуда ушло его подразделение, каждую минуту вспухали ослепительные вспышки термоядерных взрывов, и чтобы солдаты не сожгли себе глаза, он запретил личному составу поднимать взгляд выше, чем на лежащий перед тягачами путь. Время от времени от особенно мощных ударов приходила взрывная волна, но тайга гасила воздушный поток, с деревьев сдирало листву, дождём сыпались поломанные ветки, ползущие через лес тягачи встряхивало, однако повредить не могло. Облаченный в антирадиационные скафандры личный состав согласно инструкциям принял антирад, чтобы сопротивляться гамма-излучению и радиоактивному заражению местности, и делал всё, чтобы выйти из зоны поражения.

Просто глухие просеки сменились заброшенными глухими просеками, и мощные машины шли прямо через молодую поросль, перемалывая деревья громадными колёсами. Навигации не было, аппаратура связи не видела спутников, и маленькое подразделение двигалось наугад, выцарапывая из наводнивших радиоэфир помех куцые приказы ЦКП. Начальство убеждалось, что пусковые установки ещё в строю, подтверждало приказ и разрывало связь, опасаясь привлечь к старшему лейтенанту внимание противника. Вряд ли у натовцев дела обстояли лучше, чем здесь, скорее даже наоборот, ведь у них территории поменьше нашего будет, но рисковать никто не хотел. Раз ракеты прилетают, значит, противник ещё жив и способен наносить удары. Поэтому нельзя исключать, что возможности радиоперехвата у него тоже остались. Хотя уровень помех был такой, что не до радиоперехвата, тут бы ближайшего соседа услышать... Но жить хотели все, и старший лейтенант ставить эксперимент на себе не собирался. Поэтому, когда просеки закончились, он приказал водителю головной машины, в которой находился лично, держать курс в тайгу. Сейчас двадцать второй век, из космоса видны любые, даже самые старые просеки, так что береженого бог бережет. Вырастающие за горизонтом ядерные грибы, словно окружившие тайгу со всех сторон, подтверждали это лучше любых приказов.

Мощные тягачи-вездеходы углубились в лес, стараясь двигаться там, где расстояние между деревьями было максимальным, потом лес стал слишком густым. Тогда старший лейтенант принял решение при помощи имеющегося инструмента спиливать преграждающие путь деревья, и к ночи колонна из двух тягачей находилась в сплошной тайге. Лес вокруг словно вымер, ни зверей, ни птиц, ни звуков, только гулкий грохот взрывающихся за горизонтом ядерных зарядов и свист проходящих по верхушкам деревьев ударных волн. С наступлением ночи видимость упала полностью, и подразделение принялось устраивать ночёвку. Тягачи накрыли маскировочной сетью и забросали охапками веток, делать ещё что-либо старший лейтенант не рискнул. В ночном небе даже далёкие термоядерные вспышки были настолько ослепительными, что сразу у двоих бойцов начались проблемы с глазами, и он приказал свернуть работы. Все укрылись в наскоро отрытом крытом окопе, и старший лейтенант попытался выйти на связь с ЦКП, но сделать этого так и не удалось.

День второй

Ночь прошла тяжело. Со стороны различных населённых пунктов приходили вспышки ядерных взрывов, некоторые из них оказывались либо близкими, либо сверхмощными, и по верхушкам деревьев били тараны тысячетонных воздушных масс. Докричаться до начальства долго не получалось, потом у людей началась интоксикация от антирада, и всех скрючило в три погибели. Старший лейтенант оклемался одним из последних, и возившийся с ним сержант под завывание очередной ударной волны, разбивающейся о лесную чащу, доложил, что ЦКП ответил пару часов назад. Приказано продолжать выполнение поставленной задачи и принимать антирад непрерывно. На передозировку и её последствия внимание не обращать, после того как обмен ударами закончится, за ними пришлют спасательную команду на вертолете, доставят в бункер и окажут медицинскую помощь. Старший лейтенант приказал личному составу принять антирад, и собрал всех возле окопа, чтобы убедиться в состоянии каждого. В этот момент ударило где-то недалеко. В утреннем небе уже было достаточно светло, но вспышка оказалась настолько яркой, что бойцу, случайно глядевшему в её сторону, мгновенно сожгло сетчатку глаза. Его втащили в окоп на руках, разминувшись с ударной волной на секунды. От разрушения тягачи спасло лишь то, что обе машины стояли у подножия довольно высокого холма, оказавшегося на пути воздушного тарана. Маскировочную сеть содрало вместе с охапками веток, вместо этого всё засыпало целым морем пепла, щепы и других веток, выломанных из леса взрывной волной, но пусковые установки не пострадали. Ошалевший от резкого перепада давления личный состав почти полчаса не мог подняться на ноги, потом выполз из укрытия и, шатаясь, побрёл раскапывать тягачи.

Пока откапывали машины, за горизонтом в относительной близости произошло ещё два взрыва. Наученные опытом бойцы тщательно избегали взглядов в небо, но одному из солдат всё-таки повредило глаза. Дистанция до взрывов была достаточно велика для того, чтобы успеть забиться в окоп до прихода ударной волны, но проблем резкого перепада давления избежать не удалось. У личного состава начались кровотечения из ушей и носа, кто-то потерял сознание от невыносимой головной боли, у ослепшего бойца внезапно начались судороги, и через пятнадцать минут он умер. Старший лейтенант долго не решался выводить людей из окопа, потом уровень окружающей радиации зашкалил, и от холма пришлось уходить. Ослабевшие от неоднократной передозировки антирада бойцы с трудом откопали засыпанные обожженным лесным хламом тягачи, и маленькая колонна продолжила путь.

Поначалу двигаться через переломанный лес было практически невозможно. Каждые десять метров приходилось останавливаться и либо распиливать, либо вручную перетаскивать обломки деревьев, преграждавшие путь. Всё это время с разных сторон за горизонтом сверкали вспышки далёких взрывов, но воздух уже был забит пылью и гарью настолько плотно, что разглядеть видневшиеся ранее ядерные грибы больше не удавалось. Спустя два часа мучений колонна неожиданно вышла на лишённую деревьев местность со следами давнишнего, но мощного лесного пожара. Обугленные обломки пней и лесной молодняк изрядно проредило таранами ударных волн, но это отчасти вычистило поверхность, и тягачи смогли продолжить движение без задержек. Где-то на середине огромного пепелища в эфире обнаружился передатчик ЦКП, сигнал которого едва пробивался через оглушительный треск помех, и старший лейтенант даже сумел принять вызов. В ЦКП, похоже, не ожидали, что его подразделение до сих пор живо, и ему в срочном порядке передали новые координаты для ракетной атаки. Пришлось останавливаться прямо посреди открытого пространства и дожидаться завершения процесса автоматической коррекции блоков наведения. Пока всё это происходило, начальство наобещало старшему лейтенанту и его людям золотые горы и чуть ли не лично Президента в лечащие врачи.

– Держитесь! – хрипел эфир голосом то ли командующего соседним округом, то ли его зама. – Противник уверен, что в вашем секторе уничтожено всё живое! Они перенесли огонь на соседние районы! Уйдите с открытого места, замаскируйтесь и отработайте по целям в семнадцать ноль-ноль! После этого мы приплём за вами «вертушку»!

Он обещал ещё что-то, и старший лейтенант вывел переговоры на канал внутренней связи своего подразделения, чтобы все бойцы могли услышать, что помощь придёт. Сам он был уверен, что ни хрена уже никуда и ни к кому не придёт, потому что в такой пыли «вертушка» не дойдет досюда аж от Урала. От передозировки антирада людей уже корчит, дважды тягачи врезались в поломанные деревья из-за того, что у водителей начинались судороги. Но подбодрить солдат было необходимо, тем более, чем черт не шутит, вдруг у начальства есть «вертушка» где-то гораздо ближе. Вдруг какой-нибудь подземный бункер действительно уцелел... Хотя понятно, что ни черта не уцелел, потому что, если бы уцелел, то связь осуществлялась бы оттуда, ведь чем ближе, тем больше шансов докричаться через весь этот океан помех...

Корректировка данных в блоках наведения закончилась, и колонна поползла дальше, перемалывая мощными колёсами завалы из обломанных веток и обуглившейся листвы. Потом старое пепелище закончилось, и старшему лейтенанту снова повезло: головной тягач натолкнулся на покинутую полужаросшую просеку, видимо, оставшуюся от пожарных, тушивших горевший лес пару лет назад. Колонна поплелась по ней, едва протискиваясь по узкой ленте захламленной дороги, и он не заметил, как провалился в тяжёлый, лишённый сновидений сон. Час или два он спал, и вроде даже в это время ничего не взрывалось, а потом тяжёлое забытье вдруг подпрыгнуло и нанесло мощный удар, срывая старшего лейтенанта с сиденья и впечатывая во что-то твёрдое. Грудь пронзило тупой болью, и сон едва не перешёл в потерю сознания.

– Товарищ старший лейтенант! – кто-то, навалившийся всем телом, тряс его голову. – Вы живы?!

– Отпусти... – старший лейтенант с трудом сделал вдох, – больно, мать твою... Что за... фигня...

– Нас накрыло ударной волной! – паническая скороговорка солдата больно вибрировала в гудящей от удара голове. – Мы перевернулись!

– Вылезай через окно! – кровавая пелена перед глазами пропала, уступая место пыльному лицевому щитку гермошлема скафандра радиационной защиты, и старший лейтенант увидел перед собой лицо водителя. – Стекло выбило на хрен, вылезай быстрее!

Солдат, испуганно суча ногами, выполз из помятой кабины прямо по нему, и ноющая тупой болью грудная клетка заболела сильнее. Старший лейтенант тихо выругался и полез следом. Их колёсный тягач, несущий на себе пару пусковых установок новейших гиперзвуковых межконтинентальных баллистических ракет, лежал на боку, перевернутый ударной волной. Их всё-таки накрыло, пока он спал... Старший лейтенант выбрался наружу и поднялся на ноги, осматриваясь. Всё, приехали. На этот раз долбануло слишком сильно, и везение закончилось. Окружающий лес переломало в хлам, вокруг сплошные завалы из обожженных деревьев. Видимо, от ядерной вспышки лес мгновенно загорелся, но пришедшая следом ударная волна была столь мощной, что сбила пламя полностью. Вдали, из-за горизонта за лесом, в небо упиралась тройка ядерных грибов, разбросанных довольно далеко друг от друга, но огромных настолько, что их было заметно даже сквозь пропитавшую воздух пыль. Ещё несколько таких же находились гораздо дальше, и видно их было плохо. Старший лейтенант скривился. Куда прилетят следующие?! Квадрат, в котором мы сейчас находимся, противник считает уже пораженным, или это ещё не обстрелянная область?! Хотелось бы знать...

Густой лесной массив многократно снизил силу ударной волны, но один из термоядерных зарядов был сверхмощным, не меньше двадцати мегатонн, и размолотил лес на многие десятки километров вокруг. Спасло то, что взрыв произошёл далеко. Но это могло означать, что скоро будут другие, значительно ближе. Но выбраться отсюда уже невозможно. Вокруг непроходи-

мый бурелом, один из двух тягачей лежит на боку, второй засыпало обломками деревьев. И всё-таки удар был слабым, ничего не сдетонировало и не взорвалось. Сами ядерные ракеты от такого не взрываются, старший лейтенант это знал, но ядерные взрыватели гораздо более чувствительные, да и направляющие, внутри которых установлены ракеты, могут выйти из строя из-за деформации. Нужно осмотреть пусковые установки и устранить повреждения, но сначала надо собрать личный состав. Он помог ослабевшему водителю подняться на ноги и принялся вытаскивать бойцов из опрокинувшейся на бок машины.

Через пятнадцать минут выяснилось, что все живы, но от мертвецов отличаются незначительно. Люди сильно ослаблены, едва ходят, у всех наблюдаются признаки радиоактивного поражения в той или иной степени.

– Будем производить пуски прямо отсюда, – принял решение старший лейтенант. – Но сначала надо поставить пусковую на колёса. Иначе она не отстреляется.

– А она сможет? – хрипло спросил кто-то из солдат. – Её из-за падения не повредило?

– Сможет, куда она денется, – зло процедил офицер, разглядывая плохо заметные в океане пыли атомные грибы на горизонте. – Это штука надёжная, последнего поколения, там всё предусмотрено назло этим гадам! Отстреляется как мама не горюй! Вот увидишь! За работу!

Опрокинутый тягач поставили на колёса за полчаса. Вручную расчищали место от бурелома, чтобы дать возможность второму тягачу зацепиться тросом за опрокинутую машину. Потом лопатами срывали грунт перед упершимся в землю бортом, чтобы создать нужный угол наклона, вставляли между землёй и корпусом обломки брёвен, чтобы создать рычаги. Потом тянули перевернутый тягач уцелевшим, одновременно вручную навалившись на самодельные рычаги. Трижды лопался трос и ломались брёвна, но упорство всё равно взяло верх над обстоятельствами. Тягач оказался на колёсах, и старший лейтенант отдал приказ привести пусковые установки в боевое положение. Предпусковые проверки подтвердили исправность ракетных систем, и экипажи доложили о полной готовности к ведению огня. Старший лейтенант сверился с хронографом гермошлема. До семнадцати ноль-ноль оставалось двадцать три минуты. Он посмотрел на ближайшего оператора пусковых систем, хрипящего на полу в жесточком спазме, и молча дождался, когда тому станет легче.

– Больше ждать не будем, – произнёс офицер в ближний эфир. – Чувствую, можем не дожидаться.

Старший лейтенант убедился, что оператор поднялся на ноги и занял своё место за пультом управления, после чего громко и отчетливо приказал:

– Приготовиться к нанесению удара по агрессорам, посягнувшим на нашу Родину и жизнь наших близких! – Офицер на мгновение умолк, усилием воли подавляя приступ тошноты и режущей боли, и лаконично скомандовал: – Пуск!

Четверка пусковых установок одна за другой выплонула в пыльное небо ракеты, и несколько секунд старший лейтенант неподвижно смотрел на дисплеи компьютеров и картографических планшетов, сообщавших об успешных пусках и постановке ракет на заданные траектории.

– Чтоб вам сгореть заживо, твари... – тихо прошипел кто-то из операторов, буравя ненавидящим взглядом заокеанский континент. – Мы всё-таки отстрелялись! Четыре ракеты! Мелочь, а приятно!

– Они подавятся нашей мелочью! – старший лейтенант мстительно окрысился. – Это не просто четыре ракеты. Это новейшие четыре ракеты. Каждая разделится на пятнадцать боевых частей по десять мегатонн. Так что пусть встречают наш подарочек! Грибной дождичек из шестидесяти капель! Мы тут не зря двое суток наизнанку выворачиваемся! Никаких ПРО и ПВО уже нет, до цели дойдет всё!

Старший лейтенант издевательски захохотал, и его злорадный смех дьявольским ухмылком пробивался через покрытый радиоактивной пылью гермошлем скафандра. Термоядер-

ную вспышку, вспухшую в небе прямо над пусковыми установками, никто заметить не успел. Но всем на неё было глубоко наплевать. Подразделение выполнило свой долг до конца. Остальное – тлен.

Двадцать километров северо-западнее МКАД, Звёздный Городок, секретный бункер-дублёр командования РВСН

– Сколько ещё мы продержимся? – облаченный в полевую форму полковник воспалёнными от усталости глазами просматривал сводку по состоянию бункера, стараясь не обращать внимания на ноющую боль в локте. Действие обезболивающего снова закончилось, и получившая сильную контузию кость давала о себе знать. – Как долго выдержат оставшиеся тросы?

– Большая часть камер, установленных на внешней обшивке бункерной капсулы, уцелела. Картина достаточно точная, – начальник инженерной команды указал на голограмму, демонстрирующую схему бункера.

Дублирующий бункер построили пятьдесят лет назад в обстановке строжайшей секретности, применяя симбиоз всех имеющихся технологий. На глубине в полтора километра была вырыта огромная полость, стены и своды которой тщательно укрепили и герметизировали. Внутри неё собрали двойную капсулу по принципу одна внутри другой. Внешняя капсула висела внутри полости на двух сотнях стальных массивных тросов, чтобы исключить раздавливание в случае мощной деформации грунта. Внутренняя капсула сопрягалась с внешней сложной системой стабилизации, позволяющей ей проворачиваться и автоматически принимать правильное вертикальное положение внутри внешней капсулы в случае отклонения последней от заданной вертикали. В чреве внутренней капсулы и был размещен дублирующий командный пункт.

– Порвалось или потеряло натяжение сорок процентов амортизационной подвески. Это критическое состояние, – продолжал майор. – Но если других обрывов не будет, то в таком положении бункер может висеть достаточно долго.

На схеме было хорошо видно, что полость, внутри которой висел бункер, получила сильную деформацию. Часть потолочного свода осыпалась, остальное сильно сплюснуло, западную стену пересекала глубокая трещина, расползшаяся сверху до самого дна, множество тросов либо лопнули, либо безвольно провисли. Бункерная капсула сильно накренилась и замерла в опасном положении, грозя оторваться и рухнуть, но механизмы внутренней капсулы сработали штатно, провернув её в заданное вертикальное положение. На восстановление работоспособности командного пункта ушло несколько часов, основные работы уже закончены, но ремонтные команды ещё ликвидируют последствия.

– Конкретнее! – потребовал полковник. – Насколько именно долго?

– Сложно сказать, – майор устало поморщился. – Может, год. Может, полгода. В любом случае наша автономность рассчитана на три месяца, так что выходить на поверхность придется раньше.

– Что с шахтой выхода?

– Разрушена полностью. В верхней части шахтного ствола не отвечает ни один датчик. Судя по показаниям датчиков в нижней части, шахта засыпана целиком. Судя по всему, противник наносил удар именно по входу в бункер. Они точно знали, где мы находимся, но не знали, что ось шахты входа не совпадает с осью бункера. Или знали, но не знали, в какую именно сторону от бункера смещена входная шахта, поэтому попытались ударить прямо по оси, в надежде, что противобункерный ядерный удар до нас достанет и так.

– То есть мы здесь похоронены заживо? – уточнил полковник.

– Теоретически да. А практически – это как повезёт, – майор вывел на экран новую схему: – Это схема секретного метро, ведущего к нашему бункеру. Вы добирались сюда по ней.

– Тоннель расплющило, – полковник, криво усмехнувшись, показал майору контуженную руку, уложенную на перевязь на груди. – Нас не засыпало потому, что я с самого начала приказал машинистам держать максимальную скорость с нарушением всех правил безопасности. Так бы тоннель сложился вместе с нами. О метро можно забыть, его больше не существует.

– Не совсем так, – майор указал на схему: – Вот. Это запасная шахта, ведет наверх. Осталась со времен строительства, засыпать не стали. Вход в неё располагается в километре от нас, это место вы проезжали уже после обрушения, и тогда оно было цело. Если уцелеет и дальше, то шанс выбраться есть. Если сумеем.

– То есть? – Полковник нервно поглаживал всё сильнее ноющую руку. – Что значит «если»?

– Эксплуатировать эту шахту не планировалось, – пояснил майор. – Насколько я понимаю, из-за того, что она расположена близко к шоссе общего пользования. Поэтому подъёмники обесточили, а выход на поверхность застелили асфальтом и сверху установили ложный объект в виде старого ангара. Асфальт мы пробьём, это не проблема. Главное – запустить подъёмники.

– Как только всё утихнет, проведём разведку шахты, – решил полковник. – Вы свободны, майор. Занимайтесь!

Начальник инженерной службы покинул кабинет, и полковник вышел следом. Ему было поручено начальством возглавить мероприятия по борьбе за живучесть, и теперь генерал ждёт доклада. Отсек управления располагался в двадцати метрах дальше по центральному радиусу, и полковник решил провести доклад лично. Можно было бы использовать внутреннюю связь, но тогда бы он не оказался в отсеке управления. А только там можно получить хоть какое-то представление о том, что сейчас происходит на поверхности. И что от неё осталось.

Полковник тоскливо зажмурился и потёр усталые глаза. Никто до последнего не ожидал, что ядерная война произойдет. Даже тогда, когда из зоны конфликта на Шельфе пришло сообщение о том, что противоборствующие флоты обменялись ядерными ударами, в глобальную войну никто не верил. Там, в Тихом океане, всё произошло настолько стремительно, что не было возможности даже получить точную информацию. Флоты сближались, и натовцы вроде бы отдали приказ начать заградительный огонь, как вдруг китайцы и арабы завопили, что зафиксировали среди выпущенных ракет ядерные боеголовки. Расстояние между флотами было всего ничего, для ракет это секунды, и было уже поздно. Не до уточнений и подтверждений. Но союзники, похоже, ожидали чего-то подобного, потому что успели ответить тем же за мгновения до гибели. Всё это было предельно странно уже само по себе, но даже тогда никто не думал, что конфликт выйдет за пределы Шельфа.

А потом оказалось, что основной ракетный поток ушёл в сторону Пекина и Тегерана. ПВО союзников пыталось перехватить ядерные боеголовки, но что-то пошло не так, и несколько ударов достигли целей. Обе столицы смело практически полностью, и механизм падающего домино был запущен. Вполне ожидаемо оказалось, что цели для поражения были заранее введены в прицельные блоки ракет всеми, у кого таковые ракеты имелись, и бесчисленные потоки смерти рванулись уничтожать мир. Дальнейшее уже было делом техники. Зафиксировав массированные ракетные пуски по своим территориям, все, кто мог, нанесли ответно-встречный удар, и ядерная война начала развиваться по установленным для неё законам.

Первой волной каждый постарался отправить ракеты с шахт и прочих точек, являвшихся самыми старыми, а значит, хорошо известными всем так называемым партнёрам. Потому что потом от этих шахт останутся лишь радиоактивные кратеры. Первую волну каждый старался сделать наиболее массированной, она была призвана максимально загрузить системы ПВО противника и тем самым повысить эффективность второй волны. В ход пошли стационарные ракетные комплексы и стратегическая авиация. Когда до прибытия первой волны оставались считанные минуты, и средства ПВО уже были распределены по целям, все, кто мог, выложили

свою самую опасную карту: подводные ракетноносцы. Подводные лодки производили ракетные пуски непосредственно у берегов противника, подлетное время было минимальным, и перехватить всё было невозможно. О том, что так будет, знал каждый, но это ничего не изменило. Все пытались сделать больше, чем только можно: в воздухе собственных государств взрывались ядерные зенитные заряды, прибрежные воды вскипали от противолодочных ядерных взрывов, заплывавшие орбиту планеты спутники двойного назначения пытались вывести из строя баллистические ракеты и друг друга. А командование ПВО разных стран за секунды принимало страшные решения: каким менее важным объектом своего государства пожертвовать ради прикрытия более важного. Ибо атакующих средств на этой многострадальной планете скопилось на порядок больше, чем защитных. Хмуро шагающий по низкому коридору полковник вспомнил, как едва ли не каждый год то одна, то другая страна – участница ядерного клуба с вызовом и апломбом объявляла о создании очередной ракеты, способной преодолевать системы ПРО конкурентов.

Он молча скривился. Старались не зря. Системы ПРО не справились. Ни у кого. Весь мир оказался засыпан термоядерным градом. И сейчас выжившие под этим градом, а точнее, пока ещё выжившие, мобильные пусковые установки, которые удалось вывести из районов базирования перед самым ударом, производили пуски. Для мирного населения, если оно ещё где-нибудь осталось, этот удар будет особенно страшен. Потому что отражать его нечем и некому. Все стратегические цели подверглись массированным ударам. Нет больше ни ПВО, ни военных объектов, ни атомных электростанций, ни плотин, ни столиц, ни городов. На каждую страну обрушилось в три раза больше термоядерной смерти, чем необходимо для полного уничтожения. Что происходит сейчас на поверхности, можно только гадать. Мобильные пусковые комплексы, рассредоточенные по безлюдным регионам страны, наносят удары по вражеским объектам глубокого заложения, чтобы никто из развязавших эту бойню гадов не пережил своих жертв. Координаты таких объектов разведка добывала в течение последних полутора сотен лет, тщательно обновляя информацию. И, судя по тому, что противник всё ещё бьёт в ответ, у него имеется всё то же самое в достаточном количестве. Обмен ударами идёт всего сутки, всё только началось.

Полковник дошёл до массивного люка, закрывающего вход в командный отсек, и один из стоящих на охране угрюмых спецназовцев открыл перед ним толстую дверь. Полковник безрадостно кивнул в знак приветствия и прошёл внутрь. Эти четверо откачали его после взрыва и тащили на себе до местного лазарета. Они выполняли свой долг, но проявить элементарную благодарность полковник был обязан. В тот час, когда всё началось, он находился на службе, в Москве, в штабе ракетных войск. Как только поступила информация о ядерном обмене на Шельфе, была объявлена тревога, и все заняли места согласно боевому расписанию. Тут же прошёл слух, что из Кремля эвакуируют Президента, вроде как сначала в подземный город под Раменками, а оттуда, если всё станет совсем плохо, в секретный правительственный аэропорт и на Урал. Там, в горах, для Верховного Главнокомандующего выстроен ещё один подземный город, самое надёжное укрытие из всех имеющихся. Знакомые спецслужбы утверждали, что даже новейший «Подземстрой-2» Шрецкого уступает ему в степени защищенности. Правда, многократно превосходит в оснащённости и комфорте в силу «разницы в возрасте», но в бою шансов больше не у того, кто в хорошем костюме, а у того, кто в хорошем бронежилете.

Как только выяснилось, что Пекин и Тегеран сгорели в термоядерном огне, и пострадавшие союзники произвели ответные пуски, всем стало ясно, что дело дрянь. Соответствующие службы получили указания начать эвакуацию членов семей военнослужащих, и полковник из всех сил надеялся, что его жену и детей успеют доставить в бомбоубежище прежде, чем в стране объявят всеобщую эвакуацию, и московские дороги встанут в мёртвых пробках. Потом полковнику вручили опечатанный секретный чемодан и отправили сюда, в бункер-дублёр. Содержимое чемодана должно было попасть генералу лично в руки, поэтому полковнику

пристегнули чемодан наручниками, выдали четверых спецназовцев в качестве охраны, и он спустился в секретное метро. Ждать отправления пришлось минут десять, в вагонах срочно размещали какой-то груз для бункера, и едва состав тронулся, полковник связался с кабиной машиниста. Он без обиняков заявил, что найдёт способ сгноить машинистов, если они посмеют не подчиниться его приказам, и потребовал развить максимальную скорость. Правила местного дорожного движения его не интересовали, он чувствовал неладное с той секунды, как только оказался под землёй. И предчувствия его не обманули.

Подземный состав не дошёл до места назначения двух километров. По местности, под которой пролегал тоннель, был нанесён удар контактным боеприпасом. Наземный термоядерный взрыв, как минимум. Наверное, противник полагал, что в этом районе существует некий секретный объект глубокого заложения. Теперь, после разговора с майором, полковник был уверен, что били именно по той самой запасной шахте. Сто процентов – вражеская разведка засекла её ещё в момент строительства. Скорее всего, какое-то тупоголовое существо, обитающее в интернете и имевшее косвенное отношение к строительству, поделилось информацией со своими подписчиками. Соответствующие спецслужбы противника проверяют всю подобную информацию. Впрочем, отечественные спецслужбы по отношению к противнику делают то же самое. Враги информацию проверили, она подтвердилась, и одной целью в блоках наведения ядерных боеголовок стало больше. Скорее всего, наша контрразведка тоже обратила на это внимание и попыталась слить противнику дезу. И, надо думать, частично им это удалось, потому что удар пришёлся не по шахте, а на километр раньше. Или враги просто промазали. Но били точно по ней, теперь полковник был в этом уверен, и заряд был даже не контактным, а спецбоеприпасом для уничтожения объектов глубокого заложения.

Как бы там ни было, расположенный на глубине в сто двадцать метров тоннель смяло в лепёшку мгновенно. Только благодаря высокой скорости состав, в котором ехал полковник, не расплющило сотнями тонн обрушающейся породы. Состав разминулсЯ с основным обваливающимся массивом на какие-то метры, если не меньше. Они буквально чудом вырвались из-под каменного дождя и не сошли с рельсов. Как ему позже рассказали в лазарете, крыши вагонов были не просто измяты камнепадом, их вдавило внутрь чуть ли не на полметра. Прибывший на конечную станцию состав был похож на гружённые породой шахтёрские вагонетки. Но сам полковник этого не видел. Тоннель схлопнулся с такой силой, что образовавшаяся воздушная волна выбила стекла. Полковник получил сильный удар и остановку сердца. Охрана его откачала и донесла до лазарета. Там оказалось, что с сердцем всё относительно обошлось, а вот в момент падения он всем телом приземлился на локоть и заработал контузию кости. Руку повесили на перевязь, теперь она нещадно болит, и без обезболивающего это совершенно невыносимо. Врач сказал, что через сутки должно быть легче.

– Разрешите? – полковник бросил на генерала вопросительный взгляд и представился по уставу: – Полковник Брилёв!

Сидящий за рабочим столом замученный генерал-лейтенант со следами бессонницы на лице, кивнул и взглядом указал ему на стул перед собой:

– Докладывай, полковник.

– Удар противника пришёлся по району входной шахты, – коротко доложил полковник. – Шахта уничтожена, но напрямую нас не задело. Из-за сильного смещения грунта внешняя полость частично разрушена, местами имеются обрушения. У нас осталось шестьдесят процентов подвески. Любое серьёзное колебание почвы приведёт к её обрыву, но, если внешних воздействий не будет, подвеска продержится от полугода до года. Все основные системы бункера, включая жизнеобеспечение, не пострадали. Даже если бункер рухнет на дно, они не получат разрушительных повреждений. Все неполадки можно будет устранить своими силами.

Полковник на секунду умолк, переводя дух. Противник бил по бункеру с самого начала обмена ударами, но вражеские ракеты не сразу смогли преодолеть зонтик ПВО. Почти двадцать

часов бункер принимал непосредственное участие в руководстве боевыми действиями, потом возможности ПВО иссякли, и местность накрыло серией ударов. Несколько воздушных термоядерных взрывов расплющили и сбрили всё, что находилось на поверхности, и не менее двух боеприпасов, специально предназначенных для поражения защищенных объектов глубокого заложения, сработали точно в районе входной шахты. Прямого попадания удалось избежать, но смещения грунтов оказались настолько мощными, что внешняя полость едва не схлопнулась. Бункерная капсула чуть не оторвалась и опасно накренилась, из-за чего большая часть личного состава оказалась сбита с ног и получила ушибы. Сам полковник тоже упал и опять на большой локоть. В тот миг от боли в глазах потемнело так, что он решил, будто освещение вырубилось. Мучения были настолько сильны, что он катался по полу и выл от боли. Подоспевшие медики вкололи ему наркотическое обезболивающее, и только так смогли прервать его страдания. Два часа он приходил в себя, потом получил приказ возглавить ремонтные работы. К счастью, серьёзных повреждений оборудования не произошло, серьёзных травм среди личного состава тоже оказалось немного, и поставленную задачу удалось выполнить достаточно быстро.

– По нашим расчётам, – продолжил Брилёв, – противник считает нас уничтоженными. Если мы не демаскируем себя в течение двух суток, уничтожать нас будет уже некому. Мы сможем выслать за пределы бункера инженерную группу, которая проникнет в уцелевший отрезок тоннеля секретного метро. В километре от нас есть старая грузовая шахта, у нас есть основания считать, что она уцелела. Через неё мы сможем установить физический контакт с поверхностью.

– Если доживём, займёмся этим! – подытожил генерал и немедленно вернулся к изучению электронного карт-планшета, выложенного почти во всю стену.

Полковник проследил его взгляд. Стратегическая карта мира, испещренная условными обозначениями целей и объектов на дружественных и вражеских территориях, была укрупнена в наиболее важных участках земного шара. Судя по индикации и множеству хорошо знакомых пиктограмм, абсолютно все известные цели как у нас, так и у них, подверглись массированным ударам многократно, в несколько этапов, и считались уничтоженными. Однако обмен ударами продолжался. Значит, в действительности поражены не все объекты противника. Кому-нибудь могло повезти так же, как этому бункеру, что у них, что у нас. И так же, как мы, противник успел рассредоточить мобильные пусковые комплексы по безлюдным районам своих стран, и теперь наносил удары оттуда.

Генерал отдал несколько приказов, и группа оперативного управления, занимающая рабочие места по обе руки от генеральского, усилила активность в эфире. Судя по тому, что видел сейчас Брилёв, у нас уцелели почти все пусковые установки, замаскированные под обычные железнодорожные составы, постоянно крейсирующие по необъятной российской глуши. Именно их огнём сейчас управлял генерал.

– Разрешите обратиться? – негромко произнёс Брилёв, дождавшись, когда генерал-лейтенант ненадолго замер в своём кресле.

– Давай, – не по уставу ответил тот, скрывая нервозность в голосе.

– Какова обстановка? – прямо спросил полковник. – Что там, наверху? Шансы есть?

– Шансы на что? – Генерал обреченно закрыл глаза, но тут же посмотрел на Брилёва и меланхолично продолжил, не дожидаясь ответа: – На победу? Все уже проиграли. Победителей нет. От крупных городов остались лишь развалины. Если огромную радиоактивную свалку разможенного бетона можно назвать развалинами. Все известные стратегические объекты уничтожены, сейчас идёт уничтожение неизвестных. Инфраструктура цивилизации перестала существовать. Спутники сбиты или выведены из строя, МКС и Лунный посёлок не подают признаков жизни и не отвечают на вызовы. Может, уничтожены, а может, пытаются выжить, потому что понимают: если они ответят, от них потребуют разведданные и целеуказания. То есть после первого же такого ответа по ним ударят все, кто ещё способен это сделать. А спо-

собных ещё полно, противник продолжает наносить удары, значит, сумел сохранить какую-то часть сил и средств. Поэтому сейчас мы ровняем им малые города, незначительные населённые пункты и безлюдные территории, пытаемся максимально накрыть любые районы, в которых могут находиться пусковые установки. Они делают то же самое. Кто раньше подавит силы противника, тот и уцелеет. Сейчас главное – выжить.

– Приблизительный уровень потерь известен? – Брилёв понизил голос ещё сильнее. – Есть возможность связаться с эвакуационным управлением? Я хочу узнать, что стало с семьёй...

– Связи нет почти ни с кем, – генерал жестом заставил его замолчать, украдкой косясь на задержанный личный состав. Мол, не лей масло в огонь, здесь у всех семьи наверху остались. – Центральный КП не отвечает, Москва тоже, связь с ПВО пропала два часа назад, все штабы молчат. Может, уничтожены, а может, со связью проблемы, потому что оборудование разбомбило, и уровень наведённых взрывами помех постоянно растёт. Рассредоточенные по захолустьям подразделения пусковых установок сообщают о больших потерях, глобальных пожарах и непрекращающихся ударах, все запрашивают координаты безопасных районов, в которые можно выйти, а их нет. Связи со Ставкой Верховного нет. С Генштабом тоже. О союзниках я даже не вспоминаю. Управление войсками нарушено и с каждым часом становится всё хуже. Многие подразделения оказались без связи из-за потерь и помех, и их соседи, с которыми связь ещё осталась, сообщают, что видят стартующие ракеты на горизонте там, где горизонт ещё просматривается. Значит, они наносят удары согласно самым первым приказам, отданным с началом войны. Их ракеты атакуют уже пораженные цели, и это хорошо, потому что на текущий час уничтожить удалось явно не всё. Какая-то часть атакованных целей уцелела. Как мы. И чем быстрее получится их подавить, тем больше шансов выжить и сохранить хотя бы кого-нибудь. На наши частоты выходят остатки подразделений других родов войск, сообщают о потере связи со своим командованием, просят помощи и спрашивают, что им делать. Иногда сигналу удаётся пробиться до бункера в Уральских горах, и мы совместными усилиями пытаемся вывести уцелевших из-под ударов. Но полностью безопасных территорий нет, и для того, чтобы их создать, необходимо уничтожить оставшиеся у противника силы прежде, чем у нас не останется своих. Так что иди, полковник, и готовь бункер к возможной атаке. Противник действует аналогично, и по нам могут ударить ещё.

– Есть, – негромко ответил Брилёв, поднимаясь, и на мгновение задержался: – Верховный до Уральского бункера не добрался?

– На Урале его нет, – ответил генерал. – В самом начале его доставили из Кремля в Раменки, это всё, что я знаю. На территории Москвы связи нет вообще ни с кем, все коммуникации нарушены, разорваны даже подземные кабельные линии. Понять, что там происходит, невозможно. Вокруг нас не отвечает никто. Единственные в нашем районе, кого было слышно в эфире более-менее недавно, это «Подземстрой-1», но толка от них никакого, это сугубо гражданский объект. Они сообщили, что быстро теряют мощность связи, и молчат уже часов пять. И это хорошо, потому что единственное, чем они занимались, это засорили эфир своей паникой. Как только всё утихнет, попытаемся послать разведку в Москву. Хотя бы проверить убежища, в которые эвакуационные команды должны были вывезти семьи личного состава. Займись предварительной подготовкой!

– Товарищ генерал, удалось восстановить связь с Уралом! – доложил один из операторов. – Сигнал нестабильный, сильные помехи!

Генерал жестом велел Брилёву идти и поспешил подключиться к сеансу связи. Полковник покинул командный отсек и направился в свой кабинет. В штатное расписание этого КП он не входил, хотя прежде ему довелось прослужить здесь больше года, и потому генерал вверил ему управление вопросами внутренней службы. Фактически для этого в бункере имелись соответствующие должностные лица, для которых Брилёв стал ещё одной прослойкой между

командованием и подчиненными, но это лучше, чем вообще не иметь никаких задач. Не занятая работой психика быстро перегружалась тяжёлыми мыслями, и ничего хорошего из этого не выйдет. Поэтому надо загрузить работой себя и своих новых подчиненных. Полковник собрал совещание из вверенных ему должностных лиц, расставил задачи и принялся лично разбираться в деталях предстоящей операции по выходу на поверхность.

– Если входная шахта уничтожена, то вместе с ней уничтожен подземный ангар. – Брилёв совместно с начальником инженерной службы изучал спецкарту местности. – Рассчитывать найти технику в Звёздном Городке малореально, вряд ли от него что-то осталось. Какие есть варианты?

– Кроме Городка можно поискать вот тут, – майор указал на отметку.

– Танкисты? – усомнился полковник. – Их пять лет назад законсервировали. Техники там много, но вся старого образца, на двигателях внутреннего сгорания. Электрической тяги не имеется. Топлива там нет, это стопроцентно, мы ничего не заведём.

– Топливо можно принести с собой, – произнёс майор. – У нас автономный запас почти шестьдесят тонн, возьмем пару бочек солиarki, это почти двести километров хода для двух БМП, хватит дойти до Москвы и обратно.

– Тащить на себе две бочки по двести литров? – полковник покачал головой. – Там почти пять километров пешком, не считая километра, который придётся идти по тоннелю, возможно, частично засыпанному.

– К шахте пойдем налегке, – объяснил майор. – Пока механики разберутся с двигателями подъемника, остальные расчистят путь, если потребуется. Потом вернутся в бункер за топливом и доведут его к шахте на дрезине. Моя служба заранее соберет тележку, чтобы наверху не пришлось бочки таскать, катить телегу всё же проще. Пять километров по уничтоженной местности с таким грузом пройдем часа за два-три. Но это всё равно быстрее и надёжнее, чем посылать группу в Москву пешком. У нас имеется запас антирадиационных препаратов и скафандров из расчета на весь списочный состав. Можно собрать разведгруппу в количестве до двадцати человек, будет кому тащить. Антирад гарантированно действует в течение семи с половиной часов. В зависимости от индивидуальных особенностей организма этот срок удлиняется на период от пятнадцати до двадцати пяти минут. Хватит, чтобы выйти из зоны опасного заражения. Можно провести разведку в два этапа: найти технику, заправить и перегнать к шахте. Вернуться в бункер и провести детоксикацию последствий употребления антирада. На следующие сутки выдвинуться в Москву. Так у нас будет больше времени на преодоление опасных зон. Передозировки антирада лучше избегать, это приводит к разрушению внутренних органов. Если сидеть на антираде больше двух циклов, то после отмены препарата гарантированно придется полежать в госпитале. Наш лазарет неплохо оснащён, может, и справится. Я уточню у медиков.

– Выясните их возможности в плане максимальной загрузки, – велел Брилёв. – Наверняка нам придётся перевозить сюда из Москвы чьи-нибудь семьи. Этим людям может потребоваться медицинская помощь. Сколько человек мы сможем разместить, если потеснимся?

– Смотря как потесниться, – пожал плечами майор. – Можно устроить спальные места на каждом шагу, включая коридоры. Тогда человек пятьсот поместится. Только проблема не в этом. Наши запасы рассчитаны на три месяца, исходя из штатной численности личного состава. Продукты, топливо, медикаменты, воздушная кубатура помещений, мощность установок по очистке и регенерации воздуха и тому подобное. Чем больше здесь окажется людей, тем быстрее всё это закончится.

– Что вы предлагаете? – полковник с подозрением посмотрел на майора. – Бросить семьи на произвол судьбы и забыть о них? Стандартные бомбоубежища рассчитаны на трое суток автономии. Максимум, на пару недель! Серьёзная медицинская помощь там вообще не предусмотрена!

– Семьи половины личного состава бункера, – в глазах майора неожиданно появился стальной блеск, а в голосе явственно зазвучали нотки ненависти, – проживали на территории жилого массива, принадлежащего Звёздному Городку. Согласно инструкции, при объявлении сигнала «Атом» их эвакуировали в местное бомбоубежище. Крайний раз работы по его модернизации велись полвека назад, во времена строительства этого бункера. Но в отличие от нас, оно не зарыто на глубине в полтора километра. Связь с ним осуществлялась по подземному телефонному кабелю. Спустя пять часов после начала войны убежище перестало отвечать на вызовы. Ещё через тридцать семь минут оттуда позвонила женщина. Она умирала, её речь звучала невнятно и сбивчиво, но дежурный по узлу связи узнал по голосу свою жену. По Звёздному Городку ударили контактными боеприпасами. Бомбоубежище оказалось под эпицентром наземного термоядерного взрыва. Если верить её рассказу, через какое-то небольшое время был второй взрыв, приблизительно на месте первого. Впрочем, умирающая женщина могла ошибаться. Но убежищу хватило и одного удара. Половина тех, кто в нём находился, сгорели заживо мгновенно, большую часть остальных раздавило обрушением. Те, кто не погиб сразу, умерли от облучения. Неразрушенные остатки убежища погребены под землёй на глубине двадцати метров, но живых там нет. Воздух выгорел почти полностью, и жена дежурного по узлу связи говорила, что ей трудно дышать. К счастью, она умерла от облучения прежде, чем от удушья. С телефонной трубкой в руке, во время едва разборчивого разговора. Но успела сказать мужу, что оба их ребенка погибли без мучений, мгновенно, даже испугаться не успели. Дежурный позже сказал, что она соврала. Он почувствовал это по голосу. Она не хотела, чтобы он страдал ещё сильнее, чем будет. Моя жена и сын тоже были в том бомбоубежище. И семьи ещё шестидесяти трёх офицеров. Остальные надеются, что их семьям повезло больше. Но беда даже не в том, что их семьи находились на территории Москвы, и эвакуационные команды, если они вообще успели, эвакуировали их в разные бомбоубежища согласно территориальному признаку. Беда в том, что после того, как межконтинентальные баллистические и прочие ракеты противника, шедшие в первой волне, произвели разделение боевой части на отдельные маневрирующие боеголовки, по Москве ударило более трёхсот зарядов по одним данным, и чуть менее пятисот по другим. ПВО перехватило порядка девяноста процентов целей, после чего перестало существовать, а обмен ударами продолжается. Поэтому личный состав нашего КП выполняет свой долг с неподдельным энтузиазмом, и люди готовы в зубах тащить приказы боевым частям и даже на своём горбу волочь их пусковые установки куда угодно, если бы только была такая возможность.

– Мне жаль, – Брилёв поспешил погасить зарождающийся конфликт, – искренне. Моя семья осталась в Москве, я даже не знаю, успели их эвакуировать или нет. Мы тут все в одной лодке. Но это не значит, что надо опускать руки.

– Не значит, – мрачно согласился майор, несколько успокаиваясь. – Но, если мы хотим перевезти сюда гражданских, нам нужно наладить обеспечение. Поставки всего необходимого с поверхности. А там, на поверхности, это «необходимое» ещё предстоит разыскать. Даже если наверху не всё сгорело в огне, тяжёлой строительной техники у нас нет, разгребать завалы нечем. Поэтому необходимо произвести разведку складов стратегических запасов, ближайшие склады «Росрезерва» вот здесь, – он сделал отметку на карте. – И выяснить, что случилось с «Подземстроем-1».

– С «Подземстроем»? – переспросил Брилёв. – Это четыреста километров от нас. Потратим много топлива. На стратегических складах его нет, компенсировать будет нечем. Хотя там должна быть техника на электрической тяге.

– В том числе пожарная и спасательная, – добавил майор. – Что там есть точно, я не знаю, но эта информация есть у генерала.

– Я её получу, – заявил полковник. – Я правильно понял, вы предлагаете в первую очередь провести разведку складов «Росрезерва»? Это в противоположной стороне от города.

– Да, – подтвердил майор. – Их надо взять под свой контроль как можно быстрее, чтобы избежать разграбления, самозахвата или мародерства, если они получили повреждения, из-за которых доступ к складам оказался открыт. Получив склады, мы получим средства к длительному существованию. Можно будет организовать спасательные работы и продумать вопросы размещения выживших. Если «Подземстрой-1» уцелел, то они смогут принять у себя на порядок больше людей, чем мы. Их бункер рассчитан на сто лет, если там возникнет паника, они могут запереться и все эти сто лет никого не впускать. Но если в нашем распоряжении будут стратегические запасы, паники можно избежать. Если люди поймут, что им не угрожает голодная смерть из-за перенаселения, то вместо самоизоляции окажут помощь уцелевшим.

– Логично, – согласился Брилёв. – Представьте мне свои соображения подробно, в письменном виде. Подготовьте рапорт как можно скорее.

– Сейчас на это нет времени, – возразил майор. – Инженерный отдел бункера невелик, у меня всего шесть человек, включая меня. Работы выше головы: надо изготовить тележки для транспортировки топлива, приготовить бочки, проверить исправность дрезины. Состав, на котором вы сюда прибыли, всё ещё стоит у платформы. Если из-за частичного обрушения бункерной полости его окажется невозможно отогнать в тупик, дрезину до свободных путей придется нести на руках. Это несколько тонн, никаких сил не хватит, даже если использовать механические усилители конечностей. Поэтому мы попробуем поставить её на временный колёсный ход. Разрешите заняться рапортом после того, как станет ясно, что со складами «Росрезерва». Так будет больше пользы.

– Разрешаю, – полковник скрыл раздражение. Майор оказался наглым и самоуверенным, позволяет себе слишком много: перечит, перебивает, не соглашается. Позже этот вопрос надо будет поднять перед генералом. Если майора бесит, что у него появился ещё один начальник, то это его личные проблемы! Пока же гнобить майора он не станет, похоже, майор оказался неплохим спецом, его можно использовать с толком. – Идите, занимайтесь подготовкой!

– Есть, – негромко ответил майор и, прежде чем уйти, добавил: – И ещё одно: нам надо понимать, что конкретно мы будем искать в Москве. У меня нет адресов бомбоубежищ и объектов Гражданской Обороны. Может, командование располагает такой информацией?

– Я займусь этим, – пообещал полковник.

Майор вышел, и Брилёв потянулся к карману за пузырьком с обезболивающим. Боль в контуженной руке усилилась, и он принял двойную дозу. Военврач бункера предостерегал от таких действий, но какая теперь разница?! Мир сгорает в термоядерном огне, тут бы лишний день прожить. Так что одной проблемой со здоровьем больше, одной меньше – это уже неважно. Полковник запил таблетки остатками воды из бутылки и несколько секунд разглядывал опустевшую ёмкость. Надо произвести инспекцию складов бункера и выяснить, что имеется в их распоряжении и в каком состоянии. По опыту службы ему было хорошо известно, что записи в руководящих документах не всегда отражают истинное положение дел. Не хватало ещё, чтобы какие-нибудь ОЗК оказались разукомплектованы, антирадиационные препараты просрочены или пара-другая коробок с сухим пайком тайно вскрыта и разворована личным составом, являющимся любителями рыбалки или охоты. Или торговли всем этим в интернете.

Инспекторская проверка продлилась до ночи, но крупных проблем не выявила. Чтобы не остаться один на один с мрачными мыслями, полковник разбирался с мелкими недочётами вроде несовпадения размеров скафандров радиационной защиты с индивидуальными размерами двух или трёх чрезмерно полных старших офицеров. За этим занятием его застал начальник инженерной службы.

– Мы изготовили две телеги для транспортировки бочек с топливом, – доложил он. – При необходимости на каждой уместится по две бочки. В телегу можно впрячься по четверо, этого хватит. В крайнем случае, кто-то ещё может толкать её сзади, человека два-три. Группа для

действий на поверхности сформирована. Прошу разрешения на включение в её состав бойцов вашей охраны.

– Разрешаю, – полковник вспомнил о четырёх спецназовцах, сопровождавших его с секретным чемоданчиком. Его охраной они числились сугубо номинально, как только он попал в лазарет, генерал забрал их и назначил в охрану командного отсека. Чтобы не бездельничали. Потому что они с Брилёвым здесь лишние. Планировалось, что после доставки чемоданчика все пятеро вернутся в Москву, в командный бункер РВСН. Но всё сложилось иначе. – Что ещё сделано?

– Из того, что можно сделать внутри бункера, – всё, – ответил майор. – Осталось проверить дрезину и выяснить состояние путей. Для этого необходимо выйти из бункера во внешнюю полость.

– Собирайте личный состав у входного шлюза, – приказал полковник. – В полной выкладке. Я проведу проверку боевой готовности. Группа покинет бункер, как только это позволит обстановка. Через двадцать минут начинаю смотреть. И обеспечьте меня локальной радиосвязью!

Майор удалился, и Брилёв направился в командный отсек. Санкционировать выход из бункера может только генерал, и он не сделает это до того, как станет окончательно ясно, что обмен ударами прекратился. Рисковать людьми никто не будет, и это правильно. Но доложить обо всём лучше заранее.

– Что у тебя? – генерал-лейтенант обнаружился ещё более замученным, с явными следами передозировки транквилизаторов. Значит, спать так и не ложился. Отметок на стратегической карте, обозначающих уничтоженные цели и потерянные подразделения, стало раз в десять больше.

– Все системы бункера функционируют штатно, – доложил Брилёв. – Мною разработан план спасательной операции с целью эвакуации семей личного состава из районов с высокой степенью опасности. Для повышения эффективности спасательных мероприятий необходима информация о точном местоположении бомбоубежищ...

С десятков секунд генерал слушал Брилёва, потом прервал и устало произнёс:

– Одобряю. Как только всё это прекратится, сделаем, что сможем. Подготовьте подробный план.

Генерал-лейтенант отвернулся и занялся разговором с одним из операторов боевых постов. Брилёв окинул взглядом карт-планшеты, тщательно оценивая обстановку. Какие-то мобильные ракетные подразделения ещё держались, немного, и все за Уралом. Железнодорожных ракетных комплексов уже не было, либо отстрелялись полностью, либо были уничтожены. Противник засыпал территорию страны термоядерными ударами тщательно и в несколько слоёв. Мы ответили тем же. Арсенал у нас был меньше, но с учетом того, что союзники тоже выпустили всё, что у них было, врагам должно было достаться ещё сильнее, чем нам. Понять бы ещё, что творится наверху... Брилёв поймал на себе злой генеральский взгляд и направился к выходу. Едва мощный люк захлопнулся за его спиной, один из стоящих на охране спецназовцев спросил:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться! Что там, наверху? Кто-нибудь уцелел?

Брилёв обернулся и хотел ответить, как вдруг бункер трянуло, словно получивший удар мяч, раздался тяжёлый оглушительный грохот, и всех расшвыряло в разные стороны, словно кегли. Полковник врезался во вспучивающуюся пузырьком стену, черепную коробку и повреждённый локоть пронзило болью, и он потерял сознание.

* * *

Взрыв, едва не стоивший ему жизни, на самом деле произошёл далеко от их станции. Так впоследствии объяснил Порфирьев. Если бы били по «Смоленской», то прицельный удар контактным термоядерным боеприпасом уничтожил бы станцию полностью. Скорее всего, били по стратегическим объектам глубокого заложения, расположенным неподалёку, под Кремлём и Киевской площадью. Мощные взрывы вызвали катастрофические смещения грунтов, и прилегающие к ним подземные тоннели схлопнулись, словно бумажные. Те, что находились несколько дальше, частично обвалились, частично оказались полужасыпанными. Их убежище тоже пострадало. Станция «Смоленская» избежала обрушения, потолочные своды дали несколько крупных трещин, но в целом выдержали. Станция «Плющиха» обрушилась, и сотни людей были раздавлены тоннами рухнувшей породы. Что стало с теми, кто успел разместиться внутри вагонов, неизвестно, переход на «Плющиху» во второй половине своей протяжённости полностью засыпан обрушением. Если судить по тому, что произошло на самой «Смоленской», то все они погибли.

Потому что уходящие от «Смоленской» тоннели Синей ветки расплющило вместе со стоящими в них составами, наполненными эвакуированными людьми. Уцелели лишь участки протяжённостью в несколько десятков метров, непосредственно примыкающие к платформам. Порфирьев назвал это «относительным везением». Сказал, что могло быть хуже, потому что потенциальные цели для вражеских ударов расположены в опасной близости. Мол, с самого начала он был уверен, что тоннели не выдержат, потому что проходят через опасные зоны, вопрос был в том, выдержит ли станция и то, что к ней примыкает. Поэтому и не хотел уходить слишком далеко от платформ.

Его расчеты частично оправдались. Когда на поверхности начались первые термоядерные взрывы, все, кто ещё был на улице, бросились к метро, искать спасения. Полицейское оцепление хотело жить не меньше остальных, да и не сдержат им такую толпу. Мгновенно вспыхнула жестокая, животная давка, управляемая только одним рычагом – инстинктом выживания. Сотни людей были затоптаны насмерть ещё до того, как непосредственно над высоткой МИД разорвался воздушный термоядерный боеприпас. Обезумевшая толпа хлынула в метро, размазывая друг друга по полу и стенам. Самые слабые погибли прямо в толпе, сдавленные со всех сторон. Рвущийся к эскалаторам людской поток принёс с собой множество трупов, умерших от невозможности сделать вдох и сломанных ребер, проткнувших внутренние органы. После начала паники в метро не попало живым ни одного ребёнка, но жуткий кошмар на этом не закончился. Толпа смела ограничители, барьеры турникетов и рамки металлодетекторов, и ринулась вниз по эскалаторам и по наклонным плоскостям между ними, налетая на обломки укрепленных там осветительных ламп. В считанные секунды спуск превратился в кровавое, хаотичное и жуткое падение: люди спотыкались об упавших, падали сами, катились вниз по телам кричащих от боли затапываемых несчастных. Половина добравшихся до платформ получила травмы различной степени тяжести, многие погибли.

Остальная людская масса хлынула на платформу и внутрь стоящих на ней составов. Безжалостная животная давка вспыхнула и здесь. Тех, кто разместился у края платформ, сбрасывало на рельсы, оказавшихся в западне внутри вагонов детей вминало в металлические стены. Почти во всех вагонах оконное стекло не выдержало давления и вылетело наружу, что спасло многих. Вместо того чтобы быть раздавленными, люди выпадали из вагонных окон, получая травмы, но сохранив жизнь. Где-то в этот момент прямо над входом в метро произошёл термоядерный взрыв, и людской поток прекратился. Говорят, камеры наружного наблюдения зафиксировали взрыв над высоткой МИД прежде, чем сгорели. Антон сомневался в том, что всё было именно так, ведь камеры должны смотреть сверху вниз, да и застройка вокруг входа на

станцию выше, чем здание самой станции, но какая теперь разница? Может, были ещё какие-нибудь камеры, или даже картинка с веб-камер, установленных на мидовской высотке. Одно было ясно точно: наверху взорвался термоядерный заряд, и все, кто ещё был на поверхности, сгорели заживо. Ударная волна разможила вход в метро, и больше сверху никто не спускался. Эскалаторы очистились от рвущихся вниз людей и оказались залиты кровью и заполнены телами затоптанных. Давка на платформе начала стихать, а потом всё вокруг вздрогнуло, словно началось землетрясение, и потолок с громким хрустом треснул.

Говорят, в тот миг толпа замерла, и давка прекратилась окончательно. И в резко наступившей тишине был хорошо слышен хруст ломающихся стен, душераздирающие крики, и грохот обрушающихся сводов на соседней «Плющихе». Из перехода ударила волна пыли и земляного крошева, и все попадали, кто куда. Многие полезли под вагоны, чтобы укрыться от обвала, но почти сразу тоннели начали схлопываться и обрушаться, и из их глубины тоже хлынули воздушные массы, несущие частицы грунта и осколки камня. Кого-то посеколо, кто-то получил баротравму, у кого-то не выдержало сердце, многие потеряли сознание. Тряска продолжалась несколько часов, то пропадая, то начинаясь вновь, количество и длина трещин на потолках и стенах увеличились, и люди с ужасом смотрели на сыплющиеся из них земляные струйки.

Участок тоннеля, где стоял состав, в котором укрылся Антон с семьёй, испытал частичное обрушение. Вагоны засыпало обвалом, но надёжная конструкция, в которую инженерами был заложен запас прочности на случай возможных катастроф, выдержала деформационные нагрузки. Вагоны местами покорёжило, но все остались живы. Тем, кто находился внутри составов, стоящих глубже по ходу протяжённости тоннеля, повезло меньше: тоннели раздавило в лепёшку вместе с вагонами. Когда Антон очнулся, единственное, что он сумел разглядеть, были руки Порфирьева, перевязывающие ему разбитую голову. Их вагон оказался частично засыпан обрушением и погружен во тьму, озаряемую фонариками личных коммуникаторов. В первые минуты все пытались выбраться из вагонов и пробираться назад к платформам, но Порфирьев сказал, что спешить смысла нет. Раз вагоны не раздавило сразу, значит, обрушения минимальны, и можно оставаться на месте.

– Если по нам прилетит прямое попадание, погибнут все, – без особых эмоций заявил он Антону. – И те, кто в вагонах, и те, кто на станции. Станция сложится даже раньше тоннеля, у неё объём больше. А тут хоть какая-то крыша над головой. Мелкие камни не страшны. Вычистим вагон и останемся здесь. Если кто из соседей уйдет, то будет больше места. И воздуха.

Не все, кто его слышал, последовали этим рекомендациям, но Дилара согласилась сразу же. И впоследствии оказалась права. После того как все, кто посчитал нужным, выбрались из вагона и начали пробираться по захламленным путям к платформам, Порфирьев принялся выбрасывать за борт весь мусор: выдавленные стёкла, куски облицовки, каменные обломки. Оставшиеся последовали его примеру, и места в вагоне действительно стало больше. Когда Антон задал ему вопрос, почему вместо того чтобы выбираться отсюда, он занимается сомнительным благоустройством, тот ответил с нескрываемой насмешкой.

– Ядерная война, – грубый голос копошащегося в полутьме амбала звучал ещё более злое, – вопреки представлению гражданских знатоков, длится дольше, чем показываемый в тупых киношках эпический момент вырастания ядерных грибов над цветущим мегаполисом. Действительность может оказаться чуть более длительной. Дня два-три или даже четыре, до тех пор, пока воюющим сторонам будет чем стрелять или пока не закончатся сами стреляющие. Если уж дело дошло до ядерной мясорубки, то каждый попытается сделать так, чтобы противник не просто понёс много большие потери, но и лишился любой возможности если не выжить, то хотя бы нанести отсроченный удар. Ты же не хочешь, чтобы какой-нибудь американский генерал, обезумевший от жажды мести в силу того, что его семья и прочие радости жизни сгорели в термоядерной геенне, отсиделся где-нибудь в подземном бункере и выпустил по тебе и

твоим детишкам ракету-другую через пару месяцев после того, когда ты будешь убежден, что всё закончилось, поэтому покинешь убежище и будешь пытаться отстроить хоть какой-то быт?

– Не хочу, – Антон болезненно поморщился, ощупывая забинтованную голову.

– Вот и никто не хочет, – Порфирьев вернулся к вышвыриванию каменных обломков за борт. – Ни мы, ни они. Поэтому все будут бить друг по другу до последнего, то есть ещё долго. Воздушные взрывы превратят в руины объекты вражеской инфраструктуры и выжгут местность, на которой могут скрываться мобильные пусковые установки и прочие силы и средства противника. Контактные удары разворотят в раскаленную труху стратегические цели, находящиеся на поверхности, но слишком хорошо укрепленные для того, чтобы погибнуть от воздушных взрывов. Воздушный ядерный взрыв самый разрушительный, но это касается не всего, созданного пытливой инженерной мыслью. В мире достаточно объектов, требующих персонального подхода к уничтожению.

Амбал отправил в разбитое окно помятое оконное стекло, сплошь истрескавшееся и сложившееся едва ли не в гармошку, и продолжил:

– А для того чтобы противник не пережил всё это внутри сверхглубоких бункеров, существуют спецбоеприпасы, разрушающие объекты глубокого заложения на глубине до километра и более. И каждый уважающий себя участник ядерного апокалипсиса обязан такими боеприпасами воспользоваться. Зря что ли изобретали, производили и ставили на вооружение? Так что сидеть нам здесь ещё долго. И лучше позаботиться о комфорте здесь, раз уж это место оказалось нашим. Там, на станции, комфорта может быть гораздо меньше.

Но истинное положение дел оказалось намного ужасней. Станция превратилась в подземную западню. Сопряженные со «Смоленской» перегоны засыпало обрушениями, в тоннелях, примыкающих к станции, фактически уцелело по полтора состава, соседнюю «Плющиху» раздавило обвалом, единственный выход на поверхность был разрушен и представлял собой сплошное нагромождение обломков здания. Вариантов выбраться из подземного мешка не было, каких-либо запасных шахт или лифтов, ведущих на поверхность с пятидесятиметровой глубины, также не имелось. Три с лишним тысячи человек находились в подземной ловушке, угрожающе содрогающейся от приходящих извне тяжёлых вибраций. Но это было только начало всех бед.

После того как станцию перестало трясти, и землетрясения из постоянных стали периодическими, уцелевшие работники метрополитена и сотрудники полиции попытались восстановить порядок и наладить временный быт. Сразу же оказалось, что среди спасшихся людей имеется много раненых и ещё больше нуждающихся в мелкой медицинской помощи. Больше полусотни человек получило переломы и травмы различной степени тяжести во время жестокой давки, ещё полтора десятка покалеченных людей удалось вытащить из-под завала, под которым оказалась погребена половина перехода на станцию «Плющиха». Врачей среди выживших не нашлось, но обнаружилась женщина-педиатр и четыре или пять младших медицинских работников, которые вместе с дежурным фельдшером станции взяли на себя заботу о пострадавших. Раненых разместили в служебных помещениях, но имевшихся на станции медикаментов на всех не хватило, и из-за проблем с перевязочным материалом медработники обратились к людям с просьбой помочь, кто чем может. В итоге на бинты пошли простыни, но нехватку медикаментов преодолеть не удалось. Без антибиотиков многим раненым становилось всё хуже, и помещение для отдыха станционного персонала превратили в подобие реанимационной палаты.

Другой проблемой стало обилие трупов. Изуродованные давкой тела устилали окровавленные ступени эскалаторов, беспорядочной кучей лежали у их подножия, в раздолбанных обрушениями составах погибших было ещё больше. Порфирьев, закончив расчищать свою часть вагона, вылез наружу и минут десять лазал там с мощным фонарём в руках. Антон ещё тогда подумал, что амбал вряд ли успел собрать все свои вещи после объявления эвакуации.

Наверняка этот рюкзакище был подготовлен им заранее, это вполне в духе асоциала-мизантропа. Значит, у Порфирьева имеются какие-либо полезные вещи, и Дилара права, нужно держаться к нему поближе и не раздражать. Если верить офисным слухам, Порфирьев тайно является то ли расистом, то ли нациком, в общем, ненавидит нерусских, но тщательно это скрывает. Впрочем, теперь Антон в этом сильно сомневался. Если судить по взглядам, которыми он зыркает на людей, и напрочь отсутствующей теплоте в манере общения, Порфирьев ненавидит вообще всех, и скрывает это совсем не тщательно. Хорошо, что асоциальный брутал держит себя в руках, но кто знает, как долго так будет продолжаться? Поэтому лучше его не раздражать, сейчас главное – выжить, а в условиях отсутствия цивилизации лучше всех выживают кровожадные хищники. Хотя лично Антон чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы рядом вместо Порфирьева были бы братья Дилары. При первой же возможности надо связаться с её родственниками.

– Прошу внимания! – злобный рык вернувшегося в вагон Порфирьева никак не коррелировал с понятием «прошу». – Мужчины, кто не боится крови и трупов, прошу собраться у вагона! Нужно собрать погибших и перенести как можно дальше. Неизвестно, сколько нам придется здесь просидеть, когда трупы начнут разлагаться, мы тут дышать не сможем. От них надо избавиться сейчас, пока это несложно.

Сказать, что его слова шокировали обитателей вагона, было бы преуменьшением. На зов Порфирьева откликнулось всего двое мужчин, но амбал прошёл по вагонам до самой платформы и насобирал довольно большую команду. Выяснилось, что весь состав, которому принадлежал их вагон, более-менее выдержал частичное обрушение. Погибших в вагонах не было, но среди тех, кто на момент камнепада находился за бортом, почти всех убило или ранило. Многие испытали настолько сильный шок, что долго не могли заставить себя выползти из-под вагонов, куда чудом забились прямо под падающими сверху обломками. Три часа команда добровольцев выносила на платформу раненых и собирала тела погибших. Трупы относили как можно дальше в тоннель перегона, туда, где стоял третий по счёту состав. Его близкие вагоны сильно деформировало, дальние расплющило вместе с тоннелем, погибших было большинство. Мертвецов складывали непосредственно у границы обвала, и Порфирьев заявил, что позже, если потребуется, придётся вручную сложить нечто вроде баррикады между захоронением и жилой зоной, чтобы хотя бы частично снизить распространение трупного запаха.

Пока Порфирьев занимался уборкой тел, Антон с Диларой закончили обустраивать свою часть вагона. В процессе этого они перезнакомились с товарищами по несчастью, и все собрались на обсуждение сложившейся ситуации. Многие получили царапины и ушибы, не у всех имелась еда, с водой было ещё хуже. Поэтому было решено отправить активистов к администрации станции и выяснить, что сотрудники метрополитена планируют предпринять дальше. Антон, как инженер-механик, был избран старшим вагона и с двумя активистами направился к платформе. Освещения в тоннеле не было, в некоторых вагонах ещё горели уцелевшие осветительные приборы, но машинисты берегли аккумуляторы, и напряжение подавалось минимальное. Чтобы не споткнуться о лежащие всюду тела и обломки, Антон включил фонарик коммуникатора. Световое пятно выхватило из полумрака бездыханное тело со следами множества подошв на окровавленной сорочке, и Антон невольно отвёл глаза. В этот момент всё вокруг вновь затряслось, сверху посыпалось земляное крошево, и все трое бросились к дверям ближайшего вагона. Но распахнутые двери оказались заблокированы вырванной лавкой, за которой заняли оборону какие-то люди, и внутрь вагона их не пустили. Пришлось в ужасе спасаться от обрушения под вагоном, в лотке между рельсами. К счастью, обвала не произошло. Землетрясение продолжалось секунд двадцать, после чего всё стихло.

Выбравшись из-под вагона, Антон со спутниками столкнулись с несколькими полицейскими, с тихой руганью стряхивающими с себя земляную пыль. Оказалось, что полиция выясняет положение дел, чтобы понять истинную картину случившегося на станции. Активистов

хотели было отправить назад до особого объявления, но узнав, что по специальности Антон инженер-механик, старший из полицейских выдал им одного из своих людей, и тот повел всех к начальнику станции. Попад на платформу, Антон пришёл в ужас от увиденного. Пол в кровавых разводах, поверх которых на чем придется разместились сотни людей. Места не хватает, стоящие у платформ составы переполнены, отовсюду несут тела, не понять, живые или мёртвые, какие-то люди ходят по залитым кровью эскалаторам и стаскивают со ступеней тела погибших, и у подножия эскалаторов образовались целые штабеля из мертвецов... Психика не выдержала настолько чудовищного зрелища, и Антона вырвало. Заметив, что его накрывает тошнота, из сидящей и лежащей на платформе толпы выскочили двое и схватили Антона под руки. Но вместо того чтобы помочь, они грубо стащили его на пути, не обращая внимания на протесты сопровождающих.

– Смотри, куда блюёшь! – зло процедил один из них. – Там люди с детьми сидят!

С этими словами они оставили содрогающегося от приступа рвоты Антона и влезли обратно. Кто-то из толпы посоветовал возмущающимся спутникам Антона заткнуться и катиться отсюда, пока их всей толпой не заставили вычищать следы рвоты. Активисты обратились к сопровождающему их полицейскому, но тот лишь отмахнулся. Пришлось подчиниться большинству. Антон попытался отдышаться, но сделать это не получалось. Здесь, на рельсах у платформы, всё было загажено рвотными массами, и вонь от них провоцировала новые приступы тошноты. Он понял, что не первый, кого стошнило при виде растерзанных трупов. Незанятого составами места у платформы было немного, все, кого тошнило, старались добраться досюда, и восстановить дыхание тут невозможно. Активисты тоже это поняли, и Антону помогли забраться на платформу. Там ему стало легче, и полицейский повёл их дальше.

Попаст в офис дежурного по станции оказалось нелегко. Всё было забито людьми, желающими попасть к начальству станции, их громкие нервные требования сливались в непонятный гвалт, ещё более усиливающий паническую напряжённость и всеобщую истерию. Выяснилось, что как такового начальника станции нет, управление взяли на себя двое: капитан полиции и кто-то из старожилов станционного персонала. Полицейский пытался успокоить рвущихся к нему людей, призывал соблюдать порядок, что-то записывал на одном листе, составлял какие-то списки на другом, и устало твердил одну и ту же фразу:

– Граждане, возвращайтесь на свои места! Чтобы организовать выдачу воды и прочую помощь, мы должны знать точное количество людей и их состояние! Бессмысленные перемещения сильно усложняют нам эту задачу! Возвращайтесь на свои места и ждите появления сотрудников полиции и метрополитена! Они проведут перепись граждан и составят списки с учетом ваших комментариев! На основании этого мы сможем начать распределение воды!

Новый приступ землетрясения прервал его слова, но на этот раз трясло совсем слабо, и это лишь придало сил орущим на него людям. Все наперебой требовали для себя и своих семей кто врача, кто воды, кто сухой паёк, который, по их мнению, должен храниться на станции на случай катастроф, кто-то желал получить мобильную связь или доступ в сеть. Некий очень полный мужчина, красный от возмущения, стирал со лба пот и одновременно тыкал в капитана какими-то корочками, обещая огромные проблемы, если ему с семьёй сейчас же не предоставят отдельное помещение. Остальных воплей в звенящем гвалте было не разобрать, и Антон растерялся, не зная, что делать дальше. Сопровождающий их полицейский куда-то пропал в этой толпе, активисты оказались более решительными и вклинились в ряды требующих, заставляя капитана внести их фамилии в какие-то списки у него на столе, назначение которых вряд ли понимали сами. Антона оттеснили к стене, и он потерял капитана из виду.

– Идите за мной! – кто-то взял его за рукав, громко шепча в ухо. – Сюда!

Пожилой человек в штатском крепко держал его за руку и решительно пробиравшись через толпу к выходу. Антон поспешил следом и с трудом выбрался из служебных помещений.

– Вы инженер-механик? – негромко поинтересовался человек, отводя его подальше.

– Да, это я, – Антона невольно передернуло при виде детского трупа, который проносили мимо двое добровольцев. Похоже, ребёнок мучительно погиб в давке, и его тело только что сняли со ступеней эскалатора. – А вы кто?

– Я Артур Рамзанович, дежурный по станции «Смоленская», – представился собеседник. – Сейчас мы вместе с капитаном полиции исполняем обязанности администрации. Мне указал на вас один из его сотрудников.

– Где ваша униформа? – Антон с подозрением разглядывал собеседника. – Если вы дежурный?

– Я её специально снял, – объяснил тот. – Только что. Чтобы мы могли поговорить. Иначе люди не дадут мне этого сделать. Вы видели, что творится в диспетчерской! Позже я надену её снова, так легче добиться от людей понимания. Как ваше имя, молодой человек?

– Антон Овечкин. Можно просто Антон. Скажите, Артур Рамзанович, что происходит? Когда придут спасатели? Разве нас не должны перевезти в специально предназначенные для ядерной войны убежища? Как долго мы будем здесь находиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.